

**Воображаемое путешествие по Волге:
круиз сквозь время и пространства.**

Семиотический анализ советских и постсоветских путеводителей по речному круизу

Анастасия Попова
Тамперский университет
Институт современных языков, переводоведения и литературоведения
Отделение русского языка, культуры и перевода
Дипломная работа
Май 2014

University of Tampere
European and Russian Studies
School of Language, Translation and Literary Studies

POPOVA, ANASTASIA: Voobrazhaemoe puteshestvie po Volge: kruiz skvoz vremja i prostranstva. Semioticheskiy analiz sovetskikh i postsovetskikh putevoditeley po rechnym kruizam / The imaginary journey on the Volga: cruise through time and spaces. A semiotic analysis of the Soviet and post-Soviet travel guides of river cruises

Master's Thesis, 84 pages + appendix 3 pages
Spring 2014

The case study of this master's thesis is analysis of Russian cultural representation through the river cruise on the Volga. From the very beginning of formation of the Soviet Union river cruise has took one of the central places among different forms of tourism. River cruise was propagated as a tool of increasing level of cultural education and knowing industrial progress of the country. Gradually, during tourism development tourist guides were created, the main aim of which was to attract attention of the widest social group, proletariat to the tourist sphere and especially river cruises. Since 1960s river cruises have become the most popular form of spending vocations. The situation has changed after dissolution of the Soviet Union, when river cruise was replaced by travels abroad.

The material of this study are travel guides of river cruises on the Volga, which were published in 1933, 1954 and 1983 during the Soviet Union and in 2002 and 2008 in post-Soviet period. The texts of travel guides introduce descriptions of Volga cruise routes and locations often expressed by metaphor, which presents verbal basis for analytical chapter.

The theoretical base of this study includes general theory of cultural semiotics and in particular a study about semiosphere, which constitutes principal view on river cruises as the part of cultural representation and becomes fundamental background for method of semiotic analysis. The other theoretical concept is geographic imaginary space, which is used in this research as personalized cultural impression of texts descriptions in travel guides of river cruises. The additional theoretic aspect is heterotopia theory and its spatial characteristics of some places in river cruise.

The analytical chapter is aimed at multi-structured analysis of semiosphere of river cruise and its internal elements and processes. In the center of geographic imaginary representation is not only cruise itself, but also the Volga, whose perception changes and develops during historical and cultural shifts. One more part of analytical chapter illustrates the manner of dynamic intersection through semiotic borders by signs and following change of their meanings position in the semiosphere. In this study the main purpose of heterotopia is to consider "teplohod" as heterotopian phenomenon in cultural semiotic space.

This study is aimed to interpret river cruise as semiotic space, to prove its connection with cultural representation and explain process of changing perception of river cruise in the Soviet and post-Soviet times.

Keywords: travel guides, river cruises, cultural semiotics, geographic imaginary space, heterotopia, metaphor

Оглавление

1. Введение.....	4
1.1. Цель и структурная организация исследования.....	5
2. Материал.....	10
2.1. Обзор анализируемого материала.....	11
3. Теоретическая глава.....	14
3.1. Культурная семиотика пространства.....	15
3.1.1. Семиосфера речного круиза.....	19
3.1.2. Понятие границы семиосферы.....	21
3.2. Геоимагинальное пространство речного круиза и его локации.....	22
3.3. Феномен гетеротопии в пространстве речного круиза.....	27
3.4. Пространственная метафора.....	29
4. Аналитическая глава.....	31
4.1. Жанровые особенности туристических путеводителей.....	32
4.2. Анализ семиосферы речного круиза.....	34
4.2.1. Становление промышленности в Советском Союзе.....	35
4.2.2. Техническое развитие СССР.....	39
4.2.3. Культурная модернизация.....	41
4.2.4. Формирование нового строя.....	43
4.3. Волга как ядро семиотического поля речного круиза.....	45
4.3.1. Волга - промышленная сверхмагистраль.....	46
4.3.2. Волга - "водная дорога".....	48
4.3.3. Волга - одушевленный облик реки.....	50
4.3.4. Волга - женщина.....	52
4.4. Анализ функций границ семиосферы речного круиза.....	54
4.4.1. Октябрьская революция как семиотическая граница.....	55
4.4.2. "Большая Волга" как семиотическая граница.....	59

4.4.3. "Период застоя" как семиотическая граница.....	62
4.4.4. Распад Советского Союза как семиотическая граница.....	66
4.5. Теплоход - гетеротопический элемент речного круиза.....	70
4.5.1. Пароход - дом отдыха, санаторий.....	70
4.5.2. Теплоход - многофункциональное гетеротопическое место.....	72
4.5.3. Теплоход - "плавучий отель".....	73
4.5.4. Теплоход - комфортабельный, высококлассный отель.....	74
5. Выводы.....	77
6. Список литературы.....	82
7. Приложения.....	85
7.1. Приложение 1.....	85
7.2. Приложение 2.....	86
7.3. Приложение 3.....	87

1. Введение

Данная работа посвящена рассмотрению речного круиза в России, как семиосферы, в которой через семиотический анализ будут выявлены не только закономерности ее формирования и внутренние процессы, но и показан контекст культурных, исторических и социальных изменений, позволяющих представить семиотическое пространство речного круиза как часть культурной «картины мира». Из всего вышесказанного следует тема работы: «Воображаемое путешествие по Волге: круиз сквозь время и пространства. Семиотический анализ советских и постсоветских путеводителей по речному круизу».

На протяжении многих веков моря и реки играли первостепенную роль при выборе мест для строительства городов и селений. Выход к морю или речное сообщение между городами имело не только политическое значение для стран, но и экономическое, промышленное, а затем и культурное. Со временем, образовалась и такая дополнительная сфера использования водного пространства, как туристическая, которая соединила в себе черты всех вышеперечисленных областей, при этом приобретя характеристику эстетического объекта.

В России речной круиз, как форма путешествия по воде в течение некоторого времени, зародился в самом начале существования Советского Союза. Согласно Энн Горсуч (Gorsuch 2006), в 1927 году ЦК ВЛКСМ и редакция "Комсомольская правда" приняли решение о широком распространении туризма, как мощного средства повышения культурного и политического уровня молодежи, ознакомления с историей и развитием страны, а так же особо отметили оздоровительное значение походов и отдыха в санаториях. (Gorsuch 2006: 86.)

Туризм в СССР становится неотъемлемой¹ частью социалистического быта. Советский туризм – это не только путь к самообразованию, это также мощное средство ускорения темпов построения социализма, это составная часть культурной революции. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР, 1933: 374.)

¹ После реформы русского правописания в 1917-1918 гг. 28-ая буква русского алфавита твердый знак «ъ» была удалена из книгоиздательства из-за избыточного использования в конце слов, при этом не неся ни смыслового ни грамматического значения. В 1920-1930 гг. чтобы сохранить грамматику правописания слов с твердым знаком в середине слова, для разделения вместо буквы «ъ» использовался знак «'». <<http://ru.wikipedia.org> Реформа русской орфографии 1918 года> . [Просмотрен 22.11.2013]

Энн Горсуч (Gorsuch 2006: 80) отмечает, что первые туристические поездки были организованы для учащихся и красноармейцев с целью их ознакомления с территорией страны. Подобные поездки были единичными и не имели массового распространения, но постепенно туризм стал ассоциироваться с достойным уровнем жизни и приобрел политическую значимость.

Современное же представление о речном круизе носит более ностальгический характер: турист воображает атмосферу, оторванную от обыденной реальности, где его взору предстает история развития страны, достопримечательности и архитектура различных городов, возможность увидеть прекрасные речные пейзажи, недоступные в городских условиях и отдохнуть от городской суеты, почувствовав лечебный речной воздух.

Разница между восприятиями речного круиза как культурологического феномена в советское и постсоветское время и заставила нас задуматься о формировании семиотического пространства, в процессе развития речного туризма в России.

Далее будут рассмотрены основная цель и вопросы данного исследования, а также будет описана структура работы.

1.1. Цель и структурная организация исследования

Основной целью исследования является формирование семиосферы речного круиза, как части культурной «картины мира», в которой семиотическое пространство отображает не только изменения культурной значимости самого речного круиза в России, но и показывает исторический и социальный контекст советского и постсоветского восприятия действительности.

Предметом исследования является семиотический анализ пространства речного круиза, а также его связь с воображаемым метаобразом речного круиза, формирующимся в сознании читателя посредством путеводаителя.

Актуальность данного исследования заключается в уникальности речного круиза как культурно-исторического путешествия. В условиях стремительно меняющегося мира, изменилась и форма речного круиза, на смену двух- трехпалубным теплоходам пришли

круизные лайнеры, а сам речной круиз стал относиться к старой форме путешествия, легко заменяемого поездкой за границу. Тем не менее, нам кажется, что речной круиз является важной частью культурно-исторического развития и имеет большое значение для общей культурной «картины мира».

Мотивацией данного исследования служит *малая степень изученности* речного круиза как семиотического поля, а следовательно и как части культурной семиотики. Среди уже существующих работ по выбранной нами теме были проанализированы статьи русских и западных исследователей. В статье А. А. Москалинского «Река как основной географический образ в художественной литературе» (Москалинский 2010) представлены символично-философские характеристики реки, как метафорического воплощения жизни человека и ее течения. Также автор персонифицирует образ реки как живого существа, обладающего «собственными» чертами характера и поведением. Остановившись на описаниях рек в различных произведениях русской литературы, А. А. Москалинский (Москалинский 2010) акцентирует связь созданных образов рек с жизнями людей, а также персональное отношение русских поэтов и прозаиков к рекам, как к объектам эстетического восприятия.

Учитывая материальную базу нашего исследования, основывающуюся на путеводителях по реке Волга, мы проанализировали статью Л. Разумовской «Уроки великой реки» (Разумовская 2007). Автор описывает последствия, возникшие в результате сооружения гидроэлектростанций на реке Волга, и приводит примеры географических данных, причиненного реке ущерба. Л. Разумовская (Разумовская 2007) делит статью на подтемы, в которых последовательно объясняет проблемы реки Волга, существовавшие во времена Советского Союза, ее текущее состояние и вопросы, связанные с будущим реки. Для общего контекста исследования, мы также ознакомились с книгой «Волга. Боль и беда России», написанной в 1989 году под редакцией В.А. Дорошенко. Хотя основной тематикой данного издания являются экологические проблемы Волги, книга показывает непосредственную связь реки с индустриальным и техническим развитием, расположенных на ее берегах городов.

В контексте культурно-исторической направленности исследования, особенно значимой стала статья по истории Волжского речного туризма, написанная Кристофером Элаем «The origins of Russian scenery: Volga river tourism and Russian Landscape Aesthetics» (Ely 2003). Автор начинает исследование с анализа путешествия по Волге 19 века, когда пейзаж реки представлял эстетическое значение не только для путешественников, но и для художников, а

также писателей. К. Элай (Ely 2003) подчеркивает идею визуализации ландшафта и природы, их значение в глазах путешественника 19 века. Автор ссылается на заметки художника Г. Г. Черницова о путешествии по Волге и представленную в них панораму образов речного туризма, деревенского пространства, отличающегося сложностью в передаче воспринимаемого пейзажа. Согласно Элай (Ely 2003), проблемой речного путешествия того времени была его неразвитость, а следовательно и не распространенность, по сравнению с круизами в западной Европе. Далее автор переходит к описанию, представленному писателем-путешественником В. Немировичем-Данченко, который много внимания уделял именно речному ландшафту. В 19 веке было выпущено много брошюр и заметок, описывающих Волгу с точки зрения изменения ее национального значения. К. Элай (Ely 2003) указывает на большое культурное значение Волги как Великой реки, часто используемой в качестве национального символа, например художники Исаак Левитан, Илья Репин, фотограф М. П. Дмитриев отображали национальный образ Волги в своем творчестве.

Среди ресурсов Российской Федеральной Библиотеки были найдены диссертации по изучению туристической рекламы в СССР, а также диссертация на тему развития водного туризма в XVIII и XIX веках. В данных работах были опубликованы исследования касательно отдельных направлений туристической рекламы и туризма, что стало полезным для базового знакомства с общим жанром туристического текста.

В качестве *теоретической базы* исследования будут использованы научные работы российских и зарубежных авторов в областях культурной семиотики, геоимагинального пространства, гетеротопии, философии, культурологии, истории, научные статьи и интернет-ресурсы. Взаимосвязь культурного контекста и семиотики пространства речного круиза – основная область изучения данной работы и состоит из нескольких аспектов. В результате такого взаимодействия центральным элементом становится культурная семиотика, которая будет выступать в роли основного теоретического концепта и является фундаментом методологии данного исследования.

Основным методом исследования выбран метод семиотического анализа, позволяющий рассмотреть пространство речного круиза, как многоуровневую систему взаимодействия знаков, выраженных метафорическим описанием. Методологическая база исследования включает в себя также дополнительные методы. Структурно-функциональный метод позволяет отдельно проанализировать каждый семиотический знак, определить его место в общей структуре и объяснить функциональное значение в системе. Метод стилистического

анализа будет использован для рассмотрения пространственной метафоры как инструмента создания геоимагинального метаобраза в сознании человека. Историко-типологический метод обуславливает формирование доминирующей характеристики речного круиза в каждом историческом периоде, который представляет диахронически отграниченную часть общей картины. Вспомогательными методами являются: общие методы анализа и описания исследования, а также интерпретации и типологии.

Из вышесказанного следует *специфика* данной работы, которая заключается в особенности рассмотрения концепта имагинальной географии речного круиза как части семиотического пространства, то есть как культурного метаобраза индивидуально формирующегося в сознании человека.

Структурная организация работы представлена двумя главами теоретической и аналитической. Теоретическая глава состоит из четырех разделов, в рамках которых будут рассмотрены основные концепты исследования: культурная семиотика, геоимагинальное пространство речного круиза, гетеротопия пространства и метафора.

Первый раздел будет посвящен рассмотрению культурной семиотики пространства, этапов ее формирования, связи с другими науками. Будут представлены ключевые понятия культурной семиотики, характеризующие происходящие в ней процессы, а также описания участвующих в данных процессах знаков, языков и текстов. Отдельно будет рассмотрена модель семиосферы, объяснены законы ее формирования и внутренние процессы. Среди подтем, связанных с семиотическими процессами, немало важным является вопрос определения границ и их значений.

Второй раздел теоретической главы будет содержать информацию касательно геоимагинального пространства и его локаций, где будут объяснены основные термины и концепты культурного ландшафта. Будет показана связь геоимагинального пространства с семиотическим полем, а также определена роль личности в формировании мифологического пространства.

В третьем разделе внимание будет уделено феномену гетеротопии, описанию основополагающих его характеристик, перечислению аналитических подходов для выявления гетеротопии и значение гетеротопии в контексте семиотического пространства.

Дополнительный раздел будет отведен представлению метафоры, как средства текстуального выражения семиотических значений и создания геоимагинального образа.

Аналитическая глава состоит из пяти разделов и представляет собой практическую основу работы. В первом разделе будут проанализированы жанровые и стилистические особенности текстов путеводителей в России.

Во втором разделе, мы перейдем к семиотическому анализу семиосферы речного круиза на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях, а также проанализируем персонализированное представление геоимагинального пространства круиза.

Третий раздел аналитической главы посвящен рассмотрению динамики изменения метафорического образа реки Волга посредством семиотического анализа.

В четвертом разделе внимание будет сконцентрировано на рассмотрении границ семиосферы, их функций и последствия пограничной динамики.

В заключительном разделе будет проанализирован теплоход как пример гетеротопии, а также его место в семиотическом поле.

Из вышеперечисленного следует, что все ключевые и дополнительные аспекты исследования связаны между собой и определяют систему многоуровневого семиотического анализа. В качестве ожидаемого результата исследования, мы надеемся создать семиотическое пространство речного круиза советского и постсоветского периодов, выявить его динамику и характер изменения, а так же показать взаимосвязь речного круиза с культурной «картиной мира» и определить занимаемое им внутри нее значение.

В следующем разделе мы остановимся на представлении и описании материальной базы исследования.

2. Материал

Данная глава содержит один раздел: обзор анализируемого материала исследования, в котором будут представлены отобранные нами путеводители речного круиза, различных периодов СССР и постсоветского времени. Также будет объяснена релевантность выбранного материала и значимость каждого из путеводителей в контексте общей концепции исследования.

Инструментом, для привлечения внимания широких масс к речному туризму, стали различные жанры информационно-туристических текстов, начавшие формироваться во времена Советского Союза. Среди жанров советского письменного текста наиболее распространены: листовка, проспект, каталог, брошюра, путеводитель, в постсоветский период к ним можно добавить также виртуальную экскурсию и интернет сайты. (Филатова 2012:76). Устный текст может быть представлен такими жанрами как: устная экскурсия, диалог между экскурсоводом и туристом, аудио-экскурсия, общение при различных ситуациях туристического характера. (Филатова 2012:76).

Хотелось бы кратко отметить, особый вид советского туристического объявления – плакат, в котором совмещены лаконичный письменный текст, как правило, лозунг и его визуальное сопровождение. Главной функцией плаката, как и любого туристического рекламного издания, было привлечение внимания людей и пробуждения интереса к путешествиям. К 30-м годам плакаты стали очень популярным и эффективным способом преподнесения информации не только в туризме, но и в других сферах жизни Советского Союза.

Таким образом, развитие туризма привело к появлению разнообразных туристических брошюр, от лаконичных листовок и плакатов до первых путеводителей, направленных на аудитории разного возраста и социального положения и описывающих как наземные, так и водные виды отдыха.

Даже первые туристические листовки создавали для туриста абстрактное имажинальное путешествие, побуждая отправиться в длинную обзорную экскурсию на борту «плавающего отеля». (Приложение 1).

В нашей работе мы будем рассматривать только письменные жанры как советских, так и постсоветских туристических текстов, а именно путеводители, так как именно они

представляют собой наиболее полное и универсальное туристическое издание и составляют материальную базу исследования.

2.1. Обзор анализируемого материала

При отборе материала основными критериями были: помаршрутное описание речного круиза и наличие культурно-исторического контекста. В качестве материала исследования, иллюстрирующего речной круиз периода Советского Союза, были выбраны путеводители следующих годов: 1933 г., 1954 г., 1983 г. Временной промежуток между выбранными путеводителями составляет 21 и 29 лет разницы соответственно, что является приемлемым для данного исследования, так как выбранные периоды охватывают основные этапы культурных, исторических и социально-экономических изменений, происходивших в Советском Союзе.

Советские путеводители включают в себя справочную информацию об истории, экономике, традициях, культуре и быте города, регионе или страны, в зависимости от путеводителя. Основная цель создания путеводителей – дать людям краткую, но полезную информацию о путешествии и его преимуществах, а так же описать варианты маршрутов.

Маршрут беспересадочный. Маршрут знакомит туриста с 5 реками, указанными выше, и 3 национальными республиками – Чувашской, Татарской и Башкирской АССР, носит краеведческий характер и предназначен для лиц, желающих получить здоровый отдых в поездке на речном теплоходе. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 385.)

В отличие от видов самостоятельного туризма, популярного среди молодежи и не требующих создания отдельных путеводителей, экскурсионные поездки и речные круизы нуждались в подробном описании. Водный туризм был представлен разными формами путешествия: двухнедельный круиз с насыщенной программой экскурсий в городах маршрута, путешествие до санатория, как основного места нахождения, с недолгими водными прогулками и часовые речные экскурсии по таким рекам как Нева или Москва (река). (Gorsuch 2006: 123.)

Остановимся подробно на причинах выбора и релевантности вышеуказанных путеводителей. Путеводитель 1933 года «Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР» под редакцией В. В. Фомина, выпущенный тиражом 5000 экземпляров и содержащий 498

страниц, является печатным изданием публицистического жанра, рекламно-справочного, а также информационно-энциклопедического характера (Филатова 2012: 80.) Данное издание релевантно и представляет важность для настоящего исследования, как пример становления и описания речного круиза раннего советского периода.

Никогда история человеческой культуры не знала еще такого мощного развития организованного, осмысленного туризма, какой мы имеем в настоящее время в Советском Союзе. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 374.)

Путеводитель «Волга» 1954 года, редактор О. Д. Моралевич, тираж 30 000 экземпляров, объемом в 584 страницы, также является печатным изданием публицистического жанра, информационно-энциклопедического содержания (Филатова 2012: 80.) Выбор данного путеводителя объясняется значимостью происходивших в 50-е годы изменений в культурно-историческом контексте послевоенного состояния страны, а так же процессом повсеместного восстановления всех областей жизни, включая речной круиз.

Разнообразна природа русской земли, пересекаемой Волгой. От северных лесов, родственных сибирской тайге, до жарких полупустынь Прикаспия проносит великая река свои воды. Десятки городов стоят на волжских берегах и среди них такие крупные культурно-политические и промышленные центры, как Калинин, Щербаков, Ярославль, Горький, Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов, Сталинград, Астрахань. Поволжье – родина многих людей, которыми гордится наш народ. (Путеводитель «Волга» 1954: 10.)

Путеводитель «Путешествие на теплоходе» 1983 года, составитель А. Я. Каганов, тираж 75 000 экземпляров, 173 страницы, первый путеводитель из серии «Сто путей, сто дорог», выпускавшейся с 1983 – 1989 года. Каждый из путеводителей этой серии был посвящен различным туристическим местам, как наземного туризма, так и присутствующих в круизных маршрутах. Информация представлена публицистическим жанром справочно-энциклопедического направления (Филатова 2012: 80) и носит пропагандистский характер. Ключевыми пунктами при выборе данного путеводителя стали: популярность и широкое развитие речного круиза в туристической области и статический, не развивающийся культурно-исторический контекст.

В сезон 1982 года уже более 2 млн. человек совершили поездки на 150 теплоходах. [...] За годы, прошедшие со времени первого рейса, значительно расширилась география путешествий. [...] Этот вид отдыха стал более интересным, познавательным. Экскурсионные программы дают туристам возможность познакомиться с событиями Великого Октября, гражданской и Великой Отечественной войн, с достижениями

советского народа в экономическом, социальном и культурном строительстве. (Путеводитель «Путешествия на теплоходе» 1983: 7.)

Материальная база постсоветского времени представлена двумя путеводителями 2002 г. и 2008 г. Следует отметить, что отсутствие путеводителя 90-х гг. обусловлено историко-политической ситуацией после распада СССР и неактуальностью самого речного круиза в начале 90-х годов. Не смотря на то, что с 1995 года речной круиз снова стал набирать популярность, путеводитель так и не был создан.

Среди путеводителей постсоветского времени, первостепенную значимость представляет путеводитель «Речные круизы» 2002 года. Данное издание является первым путеводителем по речным круизам, вышедшим в постсоветский период. Путеводитель выпущен издательством «Симон-пресс» и относится к публицистическому жанру с информационно-рекламным содержанием (Филатова 2012: 80.) Мы будем использовать электронное интернет-издание данного путеводителя, состоящее из 165 страниц. Культурно-исторический контекст путеводителя ознаменован распадом СССР и формированием нового строя.

Запрудня – старинный промышленный центр. На базе небольшого стекольного предприятия здесь работает завод электровакуумных приборов. Далее по правой стороне встречается небольшой поселок городского типа Темпы с населением около 700 человек. Чем дальше на север, тем плотнее вокруг канала смыкаются сосны и ели. Леса чем-то похожи на таежные. Местность здесь сырая, местами заболоченная, что, впрочем, не мешает москвичам интенсивно осваивать земли под дачные участки. («Речные круизы» 2002: 21.)

Последний путеводитель «Речные круизы по Волге» 2008 года, опубликован издательством «АЯКС-ПРЕСС», тиражом 3000 экземпляров, содержит 108 страниц. Данное издание, также как и все предыдущие, относится к публицистическому жанру, с информацией ярко выраженного информационно-рекламного характера (Филатова 2012: 80.) Путеводитель выбран как пример описания современного круиза в контексте актуальных культурно-исторических событий.

В отличие от других способов путешествовать, когда водружается на плечи палатка или прикрепляется к автомобилю «мини-дом», речной круиз – это великолепная возможность отдохнуть в плавучем отеле с высоким уровнем сервиса и большим выбором развлечений. [...] Неспешный ход по реке позволяет любоваться береговыми пейзажами, а достаточно продолжительные стоянки в волжских городах и на лоне природы (так называемые «зеленые стоянки») вносят приятное разнообразие в жизнь на борту судна. («Речные круизы по Волге» 2008: 6.)

Весь отобранный для анализа материал отвечает заданной цели исследования и дает возможность последовательного и многоструктурного анализа семиотического пространства речного круиза.

В следующей главе будет представлена теоретическая и методическая базы исследования. Мы подробно остановимся на объяснении ключевых аспектов теоретического концепта и описании основного метода исследования. Также будут проанализированы вспомогательные, но не менее важные, вопросы, дополняющие общую теоретическую основу.

3. Теоретическая глава

В теоретической части будут рассмотрены основополагающие концепты данного исследования: культурная семиотика, семиотическое учение Ю. М. Лотмана, его определение семиосферы и ее границ, что так же будет использовано в качестве методологической основы для практической части работы. Так же будут рассмотрены геоимагинальное пространство Д. Н. Замятина и теоретический концепт М. Фуко о гетеротопии пространства. Дополнительным аспектом станет рассмотрение метафоры пространства как вербального способа выражения знаков семиосферы, геоимагинального пространства и гетеротопии.

В первом разделе теоретической части данной работы мы рассмотрим основные концепты семиотики и особенности формирования и структурной организации семиосферы, а так же попытаемся теоретически сформулировать семиосферу речного круиза. Во втором разделе основное внимание будет уделено рассмотрению имагинальной географии путешествия и его локациям. Характеристики и специфика гетеротопических пространств будут описаны в третьем разделе, а в последнем, четвертом разделе теоретической части будет раскрыто понятие метафоры и особенности ее выражения в текстах путеводителей.

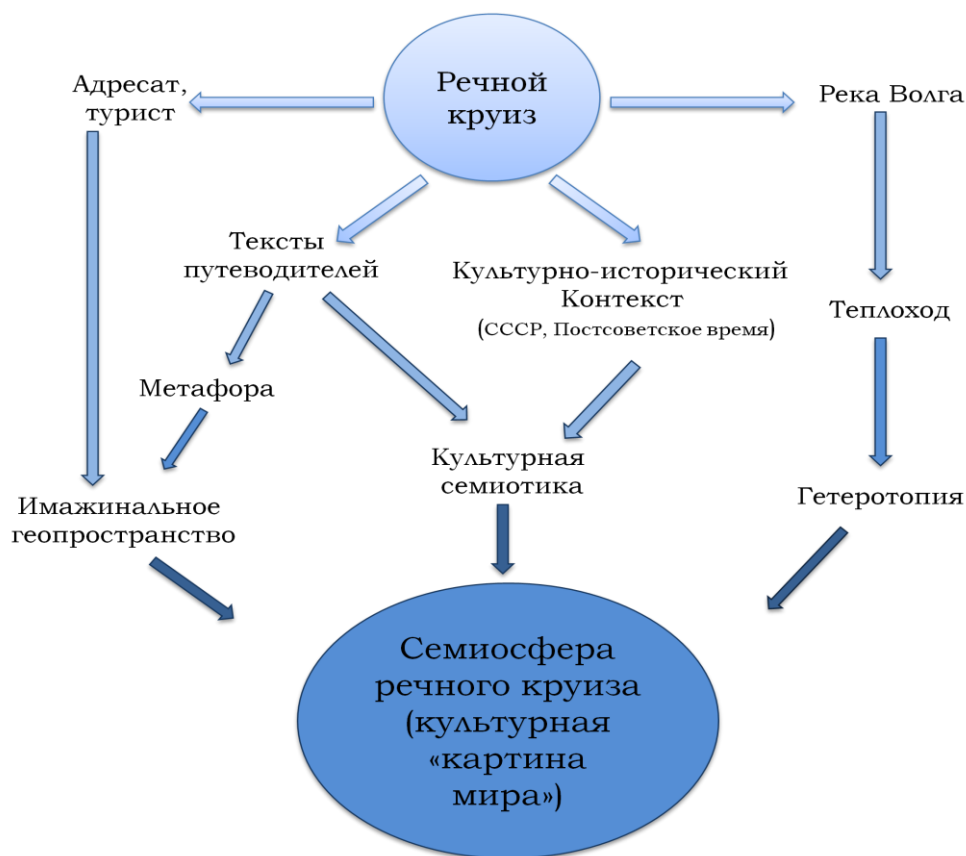

Рис.1 Схематичная структура исследования

3.1. Культурная семиотика пространства

Прежде всего, следует дать определение культурной «картине мира». Основой «картины мира» является восприятие социумом окружающего мира в той или иной культуре, как совокупности различных областей и аспектов жизни: истории, религии, ценностей и норм, искусства, природы, работы и отдыха, и даже туризма. (Махлина 2003: 52.) «Картина мира» неразрывно связана с событиями, происходящими в культуре, что объясняет ее изменения и постоянное расширение.

Знаки и знаковые системы неотъемлемая часть всего окружающего нас мира и всех его аспектов. Анализируя все происходящее в мире, мы невольно руководствуемся знаками, полученными извне, а значит, становимся участниками семиотического процесса. (Успенский 1994: 22.) Такое широкое распространение знаковых систем подразумевает связь семиотики с различными науками, которые в разной степени пересекаются с восприятием знаков.

Первую типологию знаков вывел Чарльз Сандерс Пирс, работавший в области семиотики уже в 30-х годах. Пирс классифицировал (Пирс 1999: 210) окружающие нас знаки на три основные категории: знаки-индексы (указывающие на объект посредством «симптома» или следствия), знаки-иконы (копирующие объекты действительности) и знаки-символы (когда выражение не соотносится с обозначаемым объектом, то есть отношение знака и референта). Ч. Пирс также определил широту и глубину понятия, которые в терминологии были обозначены, как «экстенционал» и «интенционал» соответственно. (Пирс 1999: 212.)

Другим основополагающим этапом в семиотике стала теория Фердинанда де Соссюра, представившего знак с психологической точки зрения. Он подчеркивал у знака приобретение значимости при соблюдении условия сочетания понятия и акустического образа. Ф. де Соссюр дифференцировал язык, как систему и речевую деятельность, а также ввел понятия «синхронии», то есть рассмотрение языка в фиксированный момент времени, например в конкретный исторический период, и «диахронии» - исследование исторического развития языка. (Соссюр 1977: 50).

При определении знака, разными семиологами отмечалась характерная черта отображения или даже замещения явления или вещи, что можно проследить в работах Ч. Пирса (Пирс 1999), описывающего знак, как стоящий вместо чего-то. Согласно У. Эко (Эко 1998), знак способен к подмене явления, а Ю. М. Лотман (Лотман 1992) определял знак языковой формой явления.

В отличие от классической модели семиотики Ч. Пирса и Ф. де Соссюра, Чарльз Уильям Моррис рассматривал семиотическую систему в новом концепте языка. В своей работе «Основания теории знаков» (Моррис 1982) он отмечает природную бинарность семиотики, являющейся самостоятельной наукой и одновременно, возможным инструментом изучения других наук. Ч. У. Моррис определяет семиотику как «науку, изучающую вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, то она в тоже время инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков» (Моррис 1982: 122). Таким образом, задача семиотики заключается в создании универсалий для выражения знаков как уже использующихся в науке, так и для любого конкретного языка в природе.

Говоря о знаковой типологии Ч. У. Морриса, следует отметить лингвистический характер и более расширенную типизацию, по сравнению с классификацией Ч. Пирса. Ч. Моррис (Моррис 1982) определил пять основных типов знака, отвечающих на конкретные вопросы:

знаки-десигнаторы (что такое?), оценочные знаки (почему?), прескриптивные знаки (как?), знаки-идентификаторы (где?) и систематизирующие знаки (направляющие) (Моррис 1982: 118.) Если в предыдущей типологии ключевым моментом был принцип обозначения, то дополнительным параметром классификации, Ч. Моррис отмечает принцип использования (ценностный, стимулирующий, информационный, систематизирующий). Среди речевых знаков выделялись общепонятные и индивидуальные знаки. (Моррис 1982: 118.)

Согласно Ч. У. Моррису (Моррис 1982), процесс семиозиса включает в свою структуру три реляционных фактора: знаковое средство, десигнат (означаемое) и интерпритант. Рассматривая отношения этих факторов, относительно друг друга, можно определить семиозис как «обобщенное учитывание, вызванное чем-то функционирующим в качестве знака». (Моррис 1982: 118). Объекты, как самостоятельные единицы, существуют независимо от семиозиса, но десигнат непосредственно от него зависит. Любой знак имеет десигнат, но это не подразумевает наличие у каждого знака денотата, то есть любой знак обозначает что-то, но не каждый знак имеет метафизический референт.

Ч. Моррис подчеркивает (Моррис 1982: 119), что в процессе семиозиса важен термин «знакового континуума», при котором отношения десигната и знакового средства могут проявляться на всех уровнях семиозиса. Уровни семиозиса представляют собой своеобразную трехмерную проекцию, содержащую семантическое, прагматическое и синтаксическое измерения. На каждом из этих уровней семиозис реализуется посредством отношения знака к одному из трех релятивных факторов. В определенных ситуациях одно из измерений может отсутствовать, например синтаксическая связь между знаками. Каждый из уровней семиозиса, в процессе развития семиотики как науки, трансформировался в отдельную дисциплину. Ч. У. Моррис (Моррис 1982) определяет следующие наиболее характерные для каждой дисциплины функции: синтактика имплицитует, семантика денотирует и прагматика выражает. При рассмотрении языка как семиотической системы, все уровни семиозиса могут выступать как многоструктурные модели особого вида данной знаковой системы.

Таким образом, классическая семиотика Ф. де Соссюра (Соссюр 1977) и Ч. Пирса (Пирс 1999) развивалась и менялась вместе с окружающим миром, активно взаимодействуя с происходящим. Ч. Моррис (Моррис 1982) добавил поведенческий элемент в теорию, тем самым побуждая науку семиотики к процессу рассмотрения знаковых систем в других научных аспектах.

Среди связей семиотики с другими науками, перечисленными ранее, нам особенно важно взаимодействие знаковых систем с культурологией, а также применение к ней метода анализа семиотического пространства.

При рассмотрении речного кризиса как культурного процесса, охватывающего различные хронологические периоды, в нашем случае советское и постсоветское времена, перед нами встает вопрос дефиниции культурной семиотики.

Культурная семиотика относится к небологическому типу семиотики, которая взаимодействует с природными семиотиками посредством генеалогической связи. Н. Б. Мечковская отмечает (Мечковская 2007) стихийный характер зарождения культурных семиотик, который объясняется общей внезапностью происходящих в истории человечества событий. Благодаря подобной самозарождаемости, естественные семиотики обладают амбивалентными качествами искусственности и вдохновения с последующей возможностью развития. (Мечковская 2007: 18).

Отдельное, пограничное место занимает язык в системе культурных семиотик, так как зачастую выполняет функцию метаязыка. Язык осуществляет специфическую связь между метафизическим и культурным аспектами, а также выполняет функцию организации семиотического континуума. В семиотике культур важным элементом является восприятие информации, зависящие от человеческих способностей или опыта. (Мечковская 2007: 21.)

Ю. М. Лотман в статье «Семиотика культуры и понятие текста» (Лотман 1992) отмечает появление семиотики культуры при процессах, происходящих на метауровне, заключающихся в актуализации самостоятельных реальных текстов и их объединений, неструктурированности и противоречий. Семиотика культуры включает в себе различные семиотические системы, что существенно повлияло на рассмотрение текста. Анализ текста стал определяться, как закодированная система не только естественного языка, но и узкоспециализированного.

Согласно Лотману, (Лотман 1992: 120) усложнилась многоструктурная система значений и их текстуального выражения, что привело к появлению внутренней неоднородности и множественных подтекстов. Частым вербальным способом выражения культурной составляющей стала метафора. Метафоричность семиотики культуры привела к, упомянутой выше, многосторонней восприимчивости информации. Таким образом, восприятие информации зависит от индивидуальных культурных ценностей, что в культурной семиотике может рассматриваться как метаязык.

Сложность культурной семиотической системы позволила организовать внутреннюю иерархию содержащейся информации, разнообразной по своему выражению (Гринев-Гриневиц 2012: 19.) За счет подобной иерархии возможны перемещения доминантных элементов в зависимости от контекста рассмотрения, что возвращает нас к понятию «картины мира», в которой именно семиотика восприятия окружающего мира формирует отображение культуры.

Семиотическое пространство текста является ключевым при интерпретации его метафизического изображения, описанного в путеводителях, в образ ментально воссозданный. Процесс семиозиса подводит нас к необходимости пояснения понятия семиосферы, который подробно будет рассмотрено в следующем разделе.

3.1.1. Семиосфера речного круиза

Если мы попытаемся сформулировать и описать семиосферу речного круиза, то ядром можно было бы считать реку Волга, так как она является условием существования, исследуемого речного круиза, и объектом метафоризации в анализируемых нам путеводителях. Внутренне пространство семиосферы может быть представлено знаками первичной (тексты) и вторичной (плакаты, фотографии, открытки, архитектура) языковых систем, что определяет закономерный характер неоднородности семиосферы. Также субсемиосферы разных периодов будут представлять собой отдельные подсемиотические пространства, входящие в общую семиосферу речного круиза. В нашем исследовании основное внимание будет уделено именно материалу первичной языковой системы, то есть текстам путеводителей. Периферия вымышленного пространства будет изменяться в зависимости от выбранной метаязыковой структуры. (Приложение 2)

Семиосфера определяется Ю. М. Лотманом (Лотман 1996) как сфера, обладающая определенными признаками замкнутого пространства, но при этом сочетающая в себе абстрактные элементы. Единицей семиозиса является все семиотическое пространство. Ю. М. Лотман указывает на сходство модели семиосферы с биосферой В. И. Вернадского, из чего следует, что в семиотическом пространстве язык утрачивает четкие границы, присущие ему в грамматическом отношении. Важным определением семиосферы является одновременное принятие ее как результата и как условия развития культуры. (Лотман 1996: 166).

Культура или концепт может интерпретироваться различными языками, чье количество умножается. Ю. М. Лотман приводит в пример (Лотман 1996: 164) увеличивающееся количество языков искусства, а также их типологическое сопоставление и вариативное рассмотрение в контексте. Подобная множественность появляется на основе бинарности семиосферы, что также приводит и к усечению языкового выражения за счет постоянного изменения языкового состава и обновление кодов.

Структурная асимметрия семиосферы позволяет выделять ее ядро (или ядра) и периферию. Периферийное пространство семиосферы очень вариативно и изменчиво, а чем дальше оно от ядра, тем абстрактнее его концепты по сравнению с концептами ядра. Также следует отметить, что внутренние элементы семиосферы находятся в постоянном движении. Знаки различных субсемиосфер проходят и выходят через границы их пространств, соответственно меняя свои семиотические значения. За счет подобной динамики, элементы культуры могут «умирать» и снова «возрождаться». (Лотман 1996: 168.)

Принимая во внимание, что перевод это основной механизм семиозиса, с помощью которого осуществляется взаимодействие разных знаковых систем, Ю. М. Лотман (Лотман 1996: 167) придает семиосфере и ее границам функцию генератора информации. Языки, входящие с семиотическое поле, гетерогенны и гетерофункциональны, следовательно, одной из основных характеристик семиосферы является ее неоднородность. Таким образом, внутри семиосферы могут существовать знаки первичных или вторичных языковых систем, образуя общую «картину мира».

Важнейшей стадией структуризации является процесс самоописания. С одной стороны, самописание возводит семиосферу в статус законченной, организованной системы, но с другой стороны такая структуризация ограничивает внутреннюю информационную составляющую и останавливает возможный процесс ее развития. (Лотман 1996: 170).

Возможно два подхода в рассмотрении семиотического универсума. Первый ориентирован на соединение воедино отдельных текстов или языков, в таком случае полученный результат будет представлять собой четко разграниченные области. Во втором случае действует противоположный подход, где семиотическое пространство представлено как единая система или семиосфера. (Лотман 1996: 165).

Далее мы переходим к определению границ семиосферы, выявлению их функций и пояснению «своего» и «чужого» в семиотике.

3.1.2. Понятие границы семиосферы

В традиционном, конвенциональном значении граница служит для разделения чего-либо, так например, суша и водное пространство находятся в состоянии непосредственного соприкосновения друг с другом и имеют четкое разделение, являясь друг для друга границей. Тем не менее, в семиосфере речного круиза, границы реального мира перестают выполнять свою метафизическую функцию и становятся частью общего семиотического пространства.

Семиотика культуры различна в своем пространственном отношении, отличая «свое» и «чужое», реальное и мифическое, тем самым создавая границы значений.

М. Ю. Лотман выделяет (Лотман 1996: 180) одним из основных характеристик семиосферы – отграниченность, что связано с однородностью и индивидуальностью семиотического пространства. Учитывая абстрактность семиосферы, важным становится понятие границы, уже упомянутое выше, через которую осуществляется передача и перевод сообщений внутреннего языка семиосферы на внешний язык и фильтрация внешних сообщений. Подобная семиотизация информации является ключевой функцией в условиях семиосферы.

Каждое внутреннее пространство индивидуально и граница, отделяющая «свое» от «чужого», ограничивает периодическую форму. С другой стороны граница выступает соединительным элементом, она фильтрует сообщение для внутреннего пространства, не теряя связи с внешним. В текстологическом аспекте подобное можно наблюдать при смешении стилистических жанров, при их взаимном вторжении в пространство друг друга и перестроение по новым законам каждого. (Лотман 1996: 183).

Граница может иметь исторический, социальный или культурный характер, в зависимости от контекста ее рассмотрения. (Лотман 1996: 175.) Зачастую границей разделяются контрастные элементы семиосферы, которые при этом продолжают существовать в диахронической и пространственной системе координат.

За счет границ семиосфера приобретает многоуровневую структуру, где субсемиосферы взаимодействуют и изменяются относительно друг друга. Отграниченные группы языков или текстов могут образовывать единства, располагаться на разных уровнях или самостоятельно функционировать в системе. (Лотман 1992: 132).

Применительно к нашему исследованию, понятие границы тоже является одним из главных, так как семиотическое пространство речного круиза, являясь в свою очередь семиосферой, может иметь множество внутренних границ в зависимости от субсемиосфер и элементов, входящих в ее пространство.

Одной из наиболее ярких границ можно выделить диахроническую ось, которая организует внутреннее пространство за счет расположенных на ней субсемиосфер, а значит, выступает в роли временной границы. Таким образом, понятие внешних границ субсемиосфер можно охарактеризовать как этапы «картины мира» речного круиза, через которые приходят и уходят знаки, то есть как культурно-исторические события, масштаб которого охватывает все пространство семиосферы речного круиза на всех ее уровнях.

При этом как в реальном, так и в вымышленном пространстве, интересной особенностью семиосферы речного круиза, будет функционирование круизных теплоходов как внутренней границы и в тоже время, имеющих внутреннее семиотическое пространство.

В следующем разделе теоретической части мы подробно остановимся на рассмотрении геоимагинального пространства, процесса опространствления культурного ландшафта через определенные локации.

3.2. Геоимагинальное пространство речного круиза и его локации

Д.Н. Замятин в своей статье «Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов» (Замятин 2003) употребляет термин «опространствление» как самопознание пространства и действие относительно сложившегося понимания, что также происходит в динамике. Опространствление происходит по принципу рефлексии, только в пространстве. Различные пространства, как контексты событий, взаимодействуют и развиваются, чем обуславливают опространствление. Другими словами, процесс опространствления похож на процесс семиотической динамики, только на уровне локального геоимагинального представления пространства человеком. (Замятин 2003: 10.)

Исторически сложилось, что географические представления менялись и развивались в зависимости от вкладываемых смыслов. Географический образ неразрывно связан с образом мышления определенного времени и нравов социума, то есть зависит от социально-

культурного контекста. Из-за особенностей представления географического пространства, создавался видоизмененный образ, например, описание городов не дает возможности определить протяженность самого путешествия или дороги. Таким образом, у средневекового читателя могло сложиться обрывочное представление пространства (Замятин 2003: 12).

Интерес человека к путешествиям, открытию и познанию нового всегда являлся неотъемлемой частью жизни. Собираясь в дорогу, мы уже начинаем путешествие, в первую очередь мысленно. Мы читаем информацию о стране, климате, памятниках архитектуры и представляем, что мы увидим или чтобы мы хотели увидеть. Прежде чем отправиться в круиз, мы изучаем путеводитель, чтобы изучить маршрут, остановки, ознакомиться с теплоходом и так далее. Таким образом, в нашем сознании зарождается первое имагинальное географическое представление пространства круиза, которое является частью семиосферы речного круиза и относится к его периферии.

Д.Н. Замятин отмечает (Замятин 2003) важность путешествия как элемента жизни, влияющего на поведение и мировоззрение человека. Говоря о пространстве, для начала, следует отметить его географическую особенность, но не очевидное территориальное расположение, а географию осознанную человеком, воспринятую собственными ощущениями и воспроизведенную вербальным текстом (Замятин 2003: 13).

Путеводитель, как и само путешествие, приобретает динамический характер, только заранее имагинальный, а с ним и перемещение в географическом вымышленном пространстве. Путеводитель можно сравнить с кораблем в пространстве, который соединяет отдельные фрагментарные географические образы локаций в последовательную цепочку путешествия. В отличие от литературного жанра путевого дневника, в котором через образы природы могут быть описаны эмоции и чувства автора, язык путеводителя иногда красочен и метафоричен, но в целом подчинен информативной задаче (Замятин 2003: 15). Интересной дополнительной чертой является перемещение не только в геоимагинальном пространстве, но и во времени, ведь автор и читатель могут быть из разных времен и даже эпох, что и является уникальной культурной особенностью круизных путеводителей. В семиотическом пространстве подобный процесс коммуникации выражен термином «асинхронии».

В отличие от визуального воплощения, где образ уже создан за нас, при создании геоимагинального образа локации, основанного на описательном материале, человек «рисует» в своем сознании, понятный ему персонально, геопространственный образ

метафизического места. Вымышленная нами картина стереотипна и основана на уже имеющихся знаниях, а соответственно изменчива, вследствие появления новой информации, то есть говоря семитическим языком, значение знака может быть изменено за счет появления информации извне (Топоров, 1983: 36.) Изменение восприятия может быть постоянным, что делает весь процесс, создания геоимагинального образа, бесконечным. В процессе же непосредственного путешествия визуальное представление, может быть сохранено геоимагинально и после путешествия. (Замятин 2003: 30).

Характерной чертой имагинального географического образа является источник или автор, описывающий реальное место. Первые примеры текстуального и визуального описания природы мы можем видеть в литературных произведениях и живописи XVIII—XIX веков. В отличие от литературы, где повествование может быть от имени разных лиц, в живописи, классическим центром являлась позиция наблюдателя, но позднее появилась необходимость более широкого взгляда, что привело к отстраненности наблюдателя и его децентрализации. Географические объекты стали геокультурными, а традиционные пейзажи приобрели новые элементы и контексты. Такая трансформация повлекла за собой появление динамики в изображении и описании пространства. (Замятин 2003: 223.) Динамичность стала неотъемлемой частью образности и ключевым поворотом в геокультурном значении. Если в средние века путешествие описывалось точно, то есть имело значение только непосредственное пребывание в самом месте назначения, то в XIX веке стало важным описание процесса перемещения от одного пункта до другого. Позиция наблюдателя стала не существенной, большее значение приобрели окружающие его образы в сочетании с вызываемыми эмоциями (Замятин 2003: там же.) Таким образом, основной чертой путешествия стало движение в пространстве с приобретением новых знаний или впечатлений, что также составляет основную функцию речного круиза.

Другой отличительной чертой путешествия является соотношение реального и вымышленного путешествия, а точнее образа восприятия. Д. Н. Замятин выделяет (Замятин 2003) отдельный концепт путешествия, как классический географический образ. В то же время негеографический образ является самостоятельным воплощением сознания. В процессе путешествия реальный географический образ вытесняется образами, созданными сознанием. (Замятин 2003: 15). Таким образом, для геоимагинального воспроизведения важен именно читатель, от него зависит результат процесса опространствления. При данном процессе можно привести в пример семиотическую схему, предложенную Р. Якобсоном (Якобсон 1987) «адресант – сообщение – адресат», только в случае с путеводителем,

заложенная автором информация изначально имеет функцию вспомогательной, направленной, главным образом, на формирование получателем необходимой информации. То есть автор описывает основные факты, характеристики, указывает акценты, но ценным будет геоимагинальное представление читателя. Таким образом, результат геоимагинального представления в сознании человека становится метаобразом семиотического пространства речного круиза.

Теперь подробнее рассмотрим сами геоимагинальные локации как знаки семиосферы речного круиза.

Географический образ – это элемент культурного ландшафта и главный термин имагинальной географии. (Замятин 2003: 29). Для нашего исследования связь культурного ландшафта и геоимагинального образа определенной локации является ключевой, так как появляется возможность рассмотрения процесса опространствления на семиотических уровнях, результатом которого будет создание персонализированного изображения круиза. Образ, анализируемого знакового элемента, имеет и свою идентичность посредством событий, происходящих на фоне географической локации. Такие исторические моменты определяют смысловые корреляты знакового места. (Замятин 2003: 35) То есть, мы можем рассматривать центральный элемент семиосферы речного круиза – реку Волга, как некий образ культуры, через призму геоимагинального представления отдельного человека или группы.

Первоначальное описание географического места создавалось с целью передачи образа, но учитывая различные интерпретации и области описания, появлялось множество географических образов. Со временем, при осмыслении того или иного географического места, большее внимание уделялось идее. (Митин 2005: 12).

Геоимагинальный образ может быть рассмотрен как метафора реального географического пространства. Целостный образ складывается из элементов или метафорически описываемых черт, с помощью которых дается возможность изображения объемного образа пространства. Географические образы воздействуют друг на друга, что в свою очередь приводит к формированию нескольких основных доминант.

Как вымышленный, так и реальный образы формируются на базе комплексных географических характеристик, которыми могут быть непосредственное географическое описание, статистические справки, пространственные образы и мифы, способы описания и выражения места. (Митин 2005: 17). И-Фу Туан автор книги «Мифическое пространство и

место» (Туан 2003) определяет два способа появления мифического пространства. Первое возникает на основании данных об окружающей реальности, а второе как концепция локализованных ценностей. Главное различие этих способов в подходах представления частного и общего в определенном контексте (Туан 2003: 56.)

Вымышленное пространство, созданное человеческим сознанием, отличается неподчинением каким-либо логическим порядкам и может вести себя вариативно. Мифогеография основывается на соотношении пространства и субъекта. При такой эластичности восприятия географического пространства, неизменным остается подлинность оригинального места. (Митин 2005: 19). Но есть ли конкретное, реальное «место» вымышленного нами пространства? Создавая географический образ, мы мысленно можем перескакивать от одного образа к другому, не ассоциируя вымышленное представление с физическим местоположением. Для имагинальной картины важен сам образ, его описание или визуализация, а так же эмоциональное восприятие созданного. В данном случае, возможны два определения места «нигде» или «в другом месте». В первом случае, имагинальный образ не зависит от реального местоположения, он существует лишь в сознании человека, во втором же случае, «другое» место, отличное от привычного, может приобретать разные формы, в зависимости от интересов автора. (Митин 2005: 21.)

Согласно Д. Замятину (Замятин 2003), в имагинальной географии особым способом изображения геоимагинального пространства является карта географических образов. Данная карта представляет собой особую модель метафизической местности и может быть выражена различными способами: письменным текстом, визуальным отображением или картографическим источником. Когнитивный характер графических образов заключен в системе содержательных взаимосвязанных элементов для определенного места, тут же и выявляется дискретная направленность пространства. (Замятин 2003: 30). Если рассматривать динамику геоимагинальных образов отдельных локаций или одной и той же локации, то можно выявить потенциальное множество образно-географических карт, которые будут варьироваться в зависимости от целей и задач, а также содержательных взаимосвязей. Таким образом, если бы мы составляли образно-географическую карту исторически-памятных мест речного круиза, то она бы отличалась от образно-географической карты водохранилищ речного круиза, что соответственно влияло бы на семиотическое значение речного круиза.

Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении данного элемента, лишь поясним, что можно создать имагинальную карту отдельных мест путешествия, но невозможно

создать имагинальную карту речного круиза, вместо этого у нас появляется в сознании образ корабля, соединяющего весь процесс путешествия и являющийся одновременно движущейся границей пространства речного круиза. Вышесказанное подводит нас к следующему разделу теоретической части, рассмотрению гетеротопического пространства речного круиза, которым в данном исследовании является теплоход.

3.3. Феномен гетеротопии в пространстве речного круиза

Для нашего исследования гетеротопия также представляет собой центральное значение при переосмыслении внутреннего пространства речного круиза. Основываясь на текстовых материалах путеводителей советского и постсоветского времен, именно теплоход обладает внутренним семиотическим пространством, одновременно являясь границей семиосферы. Учитывая также, что согласно М. Фуко (Foucault 2006), корабль является ярким пример гетеротопии, то внутреннее семиотическое пространство становится гетеротопичным, что позволяет нам включить гетеротопию в семиотическую систему речного круиза.

Первым понятие гетеротопии в гуманитарных науках применил Мишель Фуко в работе «Другие пространства» (Foucault 2006), где описал процесс, при котором одно и то же пространство может быть вообразено и интерпретировано совершенно по-разному.

Интерпретация пространства может быть различной в зависимости от наблюдателя, поставленных задач и контекста. Образы мест, обуславливающих пространство, могут быть не сопоставимы друг с другом, но могут быть взаимосвязаны. Пространство или место, заключающее в себе одновременно противоречивые значения открытости и замкнутости, нахождения «вне» и «в» локализации, публичности и приватности и есть гетеротопия. (Foucault, 2006: 169.) Таким образом, вышеприведенный пример корабля, в нашем случае, круизного теплохода или любого другого судна является публичным местом общего пользования, но за счет кают соблюдается условие приватности. Кроме того теплоход как внутренняя граница также выполняет гетеротопическую функцию находясь «в» своем внутреннем пространстве и одновременно «вне» него.

С точки зрения семиосферы, понятие границы выполняет идентичную одной из гетеротопических функций роль бинарного деления «своего» и «чужого» и в тоже время является условием их соединения. Внутри семиосферы так же есть границы между

различными субсемиосферами, они могут быть четкими или более абстрактными, но они не теряют своей первоначальной функции разделения и соединения.

Особенно обширный процесс гетеротопии происходил в историко-культурном аспекте, в рамках переосмысления старых, традиционных пространств в новом или в современном ключе в контексте глобализации XIX – XXI вв. Постоянные переосмысления в итоге привели к бесконечным и множественным расщеплениям изначального пространства. (Foucault, 2006: 170.)

Понятие гетеротопии стало концептуальным принципом для таких жанров искусства как: фэнтези, хоррор, сказок, что неразрывно связано и с понятием мифа. Пространственная мифология существовала еще в античные времена, являясь типичным пространственным представлением. Д. Замятин употребляет (Замятин 2000) термин «локальные мифы», которые складывались и фиксировались в истории и культуре за счет громких событий и трансформировались на базе социального проецирования. С семиотической точки зрения, локальный миф может быть частью периферии семиосферы речного круиза только как индивидуальное, далекое от метафизической реальности, представление отдельного знака, появившееся при условии высокой энтропии значения.

М. Фуко (Foucault 2007: 170-179) предлагает шесть подходов для выявления гетеротопии или анализа места с помощью гетеротопии:

1. *Противопоставление или отклонение* от обычной жизни, например места для отличных от общей массы людей (психиатрические клиники, тюрьмы, дома престарелых, монастыри).
2. *Изменчивость* предполагает смену принятого общекультурного значения какого-либо места (например, кладбище в средневековье находилось в центре города, но со временем изменилось отношение людей к смерти, что вытеснило кладбище за черту города).
3. *Многослойность* проявляется в способности пространства вмещать в себя различные независимые или несовместимые места, например, сцена театра, состоит из непосредственного места действия, за кулисного пространства, авансцены и арьерсцены.

4. *Разрыв во времени (гетерохронии)* представлен местами, где ощущение времени замедляется (музеи, библиотеки, архивы) или наоборот ускоряется (ярмарки, праздники, луна-парки), а также зависит от персонального восприятия и насыщенности (курорт, санаторий).
5. *Переходный* способ выражается в процессе преодоления барьеров или проходов, что делает данные места одновременно изолированными или открытыми, например, учитывая принуждение, таким местом будет тюрьма, а в случае характеристики пропуска – университеты, библиотеки, клубы.
6. *Противопоставленные реальному миру* места могут подчеркивать абсолютную идеальность мира или его несовершенство (корабли дальнего плавания, публичные дома).

Учитывая указанную выше классификацию подходов Фуко (Foucault 2006), мы можем теоретически проанализировать теплоход как гетеротопическое внутреннее пространство.

Теплоход позволяет людям отправляться в речной круиз, то есть попасть в пространство отличное от обыденного и недоступное в условиях обычной жизни. В общекультурном значении, понимание теплохода как средства ознакомления масс с промышленным развитием страны в советское время сменилось восприятием теплохода как средства осуществляющего отдых при путешествии. Более подробно гетеротопические свойства теплохода будут проанализированы в аналитической части работы.

В заключительном разделе теоретической части мы рассмотрим инструмент вербального выражения знаков семиосферы, имагинального пространства и гетеротопии, то есть пространственную метафору.

3.4. Пространственная метафора

Пространственная метафора широко распространена в русском языке как литературном, так и разговорном. Метафоризация окружающего мира неразрывно сопряжена с культурой восприятия действительности. В русских народных сказках «путешествие за тридевять земель» часто описывалось как далекое, трудное и невероятное приключение, а «заморские

гости» привозили «дикивинные подарки». Таким образом, семиотический анализ непосредственно связан с использованием инструмента метафоризации.

Пространственная метафора, являясь словесным выражением вымышленного пространства, одновременно обладает схожими характеристиками с реальным пространством. Используя пространственную метафору, человек основывается на своем опыте, быте при определении «своего» и «чужого» пространства, и соответственно, встречается с теми же препятствиями, которые разделяют эти пространства. Речной круиз неделим в своей основе, но иногда выступает непреодолимой границей, разграничивающей берега как два мира. (Ермакова 2000: 289). Таким образом, геоимагинальные отображения двух метафизических пространств могут существовать отдельно, но при этом формируют общее семиотическое пространство речного круиза.

Как отмечает Ермакова (Ермакова 2000) метафорическая картина жизни часто сравнивается с течением или быстро бегущей рекой, а элементы морского пейзажа дополняют ее содержание. Пространственная метафора захватывает отображение этапов жизни и ее конца, в образах ассоциаций с реальными географическими объектами и их боязни: на краю обрыва, бездны; боязнь стихий. Переносное значение движения в географическом пространстве часто связано со временем и здесь также не случайно сравнение с рекой, озером, океаном. Временные и пространственные рамки могут сужаться и расширяться в зависимости от контекста и цели, а то, что считается непреодолимым, может быть незначительным в воображаемом пространстве: море может стать лужей, а лужа умиротворенным озером (Ермакова 2000: 292).

В метафорическом осмыслении, понятия могут приобретать новые пространственно-географические сравнения, например корабль, может стать «другим» миром внутри речного круиза, обособленным и не связанным с действительностью или внешней культурно-исторической границей, связующим звеном между разными мирами берегов (Трубина 2011: 15.) В таком случае важен процесс движения относительно внешнего пространства и движение самого объекта не зависимо от окружающего.

Д. Лакофф и М. Джонсон отмечают (Lakoff, Johnson 2003: 34), что при определенном угле зрения возникают оси движения «вниз – вверх» и «по – против», в словесном метафорическом отображении данное движение выражается глаголами перемещения или действия: плыть по течению, попасть в водоворот событий, провалиться в бездну, открывается простор. В приведенных примерах, согласно Д. Лакоффу и М. Джонсону

(Lakoff, Johnson 2003: там же) сохраняется устоявшееся разграничение «вниз – плохо», «вверх – хорошо», в горизонтальном же отношении присутствует элемент бесконечности или пространственного центра и периферии. По характеру движения, следует отметить ровность или неровность поверхности перемещения, так движение корабля в шторм представляется опасным, а машины по гладкой дороге – спокойным, в свою очередь пробка, мель ассоциируется с бездействием или беспомощностью (Ермакова 2000: 292.)

В зависимости от цели выражения и позиции говорящего может изменяться оценка событий и пространственная ориентация, где закрытость границ может приобретать положительное значение, а отсутствие их отрицательное, хотя в сложившихся реалиях значение противоположно (Ермакова 2000: 295.)

В теоретической главе мы рассмотрели все основополагающие теоретические концепты культурной семиотики, формирование и структуру семиосферы, геоимагинальный культурный ландшафт и свойства гетеротопии пространства. Также мы выявили основные закономерности метода семиотического анализа, который будет применен в следующей аналитической главе работы в процессе исследования метафорических описаний текстов путеводителей.

4. Аналитическая глава

Переходя к аналитической части, следует отметить, что в теоретической части работы мы уже говорили о модели семиосферы речного круиза. В структуре семиосферы речного круиза ядром является река Волга, вокруг ядра расположены субсемиосферы, которые расположены на диахронической оси, что определяет их как отдельные временные периоды всей семиосферы речного круиза. Субсемиосферы состоят из множества переосмысленных значений первичных и вторичных языковых систем, находящихся на разном расстоянии от ядра. Под первичной языковой системой мы будем подразумевать непосредственное вербальное выражение текста, то есть слова, а знаками вторичной языковой системы будут выступать визуальные описания архитектуры, пейзажа, картин и других метафизических референтов, которые будут в свою очередь выполнять функцию интертекста.

В третьем разделе аналитической части мы рассмотрим реку Волга как самостоятельный объект метафоризации и всего речного круиза. Многочисленные границы, внешние и

внутренние, которыми разделено все пространство семиосферы речного круиза также будут проанализированы в отдельном разделе главы. Дополнительным аспектом будет представлен анализ теплохода как внутренней границы, объекта обладающего внутренним пространством и совмещающим в себе характеристики гетеротопического места.

Таким образом, нам необходимо провести семиотический анализ всего пространства семиосферы и ее внутренних процессов на трех уровнях семиозиса: семантическом (типы знаков и их значения), синтаксическом (комбинация и структура знаков) и парадигматическом (тождественность передачи сообщения и его восприятие, энтропийность знаков и их конвенциональное значение, то есть значение, принятое в обществе).

Прежде чем переходить к непосредственному анализу семиосферы, следует охарактеризовать путеводитель как текст, определить его жанр и стилистические особенности.

4.1. Жанровые особенности туристических путеводителей

Филатова Н. Б. в своей статье «Жанровое пространство туристического дискурса» (Филатова 2012) разделяет путеводители на два вида: рекламно-справочные в виде брошюр, проспектов и буклетов и авторские путеводители информационно-рекламного или справочно-энциклопедического характера. Хотелось бы отметить, что Филатова Н. Б. рассматривает только путеводители постсоветского периода, но ориентируясь по предложенной ею классификации, мы могли бы отнести путеводители советского периода к смешенной группе не авторских изданий (созданы редакционной коллегией) со информационно-энциклопедическим содержанием. Исключение составляет путеводитель 1933 года относящийся ко второй группе (на форзацах издания размещена реклама, а каждая глава имеет автора). Путеводители же постсоветского времени, согласно представленной выше классификации, относятся к авторским с информационно-рекламным содержанием. (Филатова 2012: 34.)

Среди анализируемых нами путеводителей советского и постсоветского периодов можно отметить общую структуру составления: общая информация, историческая справка, описание маршрутов, справочный отдел, указатели, фотографии, карты. Отличительными для путеводителей СССР являются главы, описывающие развитие промышленности

Советского Союза, иностранный туризм, расписание пароходных рейсов, советы врача, техническое устройство различных речных конструкций. К новым главам для путеводителей позднего советского периода и постсоветского времени можно отнести: покупки, размещение, культурно-развлекательная программа, питание, практические советы.

Широкие прогулочные палубы, киноконцертные и танцевальные залы, музыкальные салоны, рестораны, бары, солярии – все это есть на любом из названных теплоходов, а на «Антоне Чехове» - еще бассейн и сауна. (Путешествия на теплоходе 1983: 8.)

Учитывая тематическую специфику анализируемых нами путеводителей круизов, следует отметить, что кроме информации об истории городов, маршрутах, так же предлагается информация узкого характера, например, строительство портов и шлюзов, развитие водохранилищ и гидроэлектростанций, особенности рек и судоходства.

Выделяется дополнительный флот для плавания по боковым рекам, оборудуется свыше 90 новых остановочных пунктов в глубинных районах. Создается ряд новых грузо-пассажирских линий. (Путеводитель «Волга» 1954: 22.)

Анализируя стилистический аспект путеводителей, можно отметить, что для текстов раннего советского времени характерно повествование от третьего лица, так как путеводители большей частью являлись справочниками, а авторы представляли конкретную информацию, которую должен получить читатель:

Турист, едущий на волжском пароходе из Рыбинска до Астрахани, с палубы парохода может заметить, как из районов лесной, фабрично-заводской промышленности он переходит в районы полей, хлеба. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 113.)

Постепенно, в процессе развития туризма и туристических текстов в 50-е годы и далее, повествование стало более «живым», о чем свидетельствует использование конструкций от первого лица множественного числа:

Путешествуя по Волге, мы увидим, как расцветают, хорошеют волжские города. Мы увидим, как под руководством Коммунистической партии, которая направляет все усилия на то, чтобы еще больше укрепить мощь социалистического государства, еще выше поднять благосостояние советских людей, народ-творец преображает волжские берега и самую реку, поднимает значение Поволжья в жизни страны, идущей к коммунизму. (Путеводитель «Волга» 1954: 14.)

Использование знака *мы* на синтаксическом уровне, характеризует изменения в понятии границы личности. Из данного примера видно, что теперь читатель, как и автор становится участником имагинального путешествия и объектом семиотической действительности.

В постсоветский период повествование в текстах путеводителей не претерпело изменений и закрепилось в использовании, что указывает на эффективность подобной языковой конструкции на читателя, так как автор увлекает его за собой в имагинальное путешествие, заставляет стать его частью.

Ещё 4 км вниз по Волге – и мы оставляем справа очередную «лоцманскую слободу» [...] Следующий на нашем пути поселок Хлебниково. (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 7.)

Сохранилось также использование конструкции безличного повествования, но если в 30-х годах текст был сугубо информационным, а автор описывал круиз со стороны, то в текстах путеводителей 2000-х подразумевается, что автор также принимает участие в путешествии.

По правую сторону остается пристань Пестово, где в популярном доме отдыха (бывшая усадьба героя Отечественной войны 1812 г. генерала А. П. Ермолова) проводили свой досуг многие знаменитые деятели театрального искусства. («Речные круизы по Волге» 2008: 69.)

В следующем разделе будет проанализирована модель семиосферы речного круиза на всех уровнях семиозиса и ее взаимодействие с персональным представлением человека геоимагинального пространства.

4.2. Анализ семиосферы речного круиза

...Туризм дает нам познание нашей страны. А без этого познания всякая самая усердная работа на ее пользу не достигнет цели. Мы до сих пор очень мало знаем свою страну. Только великая революция, разбудившая массы к новой жизни, сдвинула изучение СССР с мертвой точки...
(журнал «Всемирный следопыт» 1928)

Семиозис происходит посредством нахождения читателем (потенциальным путешественником) новых смыслов и значений, не зависимо от идей, заложенных автором. Учитывая этот аспект, важна вторая составляющая нашего анализа – имагинально-географическое «опространствление» речного круиза. Также уже используемый в теории термин Д. Замятина «опространствление», становится процессом идентичным семиозису и одновременно являющимся его частью. Таким образом, почти каждый пример может быть рассмотрен как культурный элемент семиосферы и в тоже время обладающий функцией «опространствления», то есть как непосредственный географический объект, но имагинально воспроизводимый при чтении круизного путеводителя. Подобный подход позволяет нам рассматривать речной круиз как культурную «картину мира» в целом, так и как индивидуальное имагинальное путешествие отдельного человека в частности.

Каждый текст можно рассматривать как знак, функционирующий в семиосфере. (Бразговская 2008: 112). Следовательно, для более ясной картины, формирующейся семиосферой, нам необходимо проанализировать характеристики знака и их взаимодействие на всех семиотических уровнях: семантическом, синтаксическом и парадигматическом, в свою очередь, обуславливающие существование знака.

Анализ будет проведен в хронологическом порядке в соответствие с временными отрезками субсемиосфер.

4.2.1. Становление промышленности в Советском Союзе

После революции 1917 года история императорской России встала на путь создания социалистического строя правления. Такой поворот имел стихийный характер, как и в разрушении прошлого, так и в резком становлении будущего страны. Если говорить языком семиотики, то подходящим будет термин Ю. М. Лотмана (Лотман 2000: 29) «семиотический взрыв», когда привычные смыслы переходят границу семиосферы и приобретают абсолютно новые коннотации в условиях выбранного контекста. Таким образом, жизнь людей стала приобретать новые смыслы в контексте социализма, не только на политическом и экономическом уровнях, но и на культурном. Одним из множества развивавшихся в начале 20-х годов направлений стал речной туризм.

Первостепенной целью советского круиза было ознакомление масс, а именно пролетариата, с промышленной мощью развития страны. Уже сама возможность путешествия на пароходе, представляла собой большой шаг в развитии судостроения, не говоря уже о промышленном пейзаже, открывавшемся путешественнику с палубы.

Ленинская идея электрификации, ленинские слова «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны» находят здесь, на Волге, живое воплощение в громадных размерах. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР, 1933: 106.)

Рассматривая данный пример как элемент семиосферы, можно определить индексальное отношение знака «*Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны*» к референту, который указывает на *коммунизм* как следствие развития страны посредством электрификации. Здесь же следует, подчеркнуть функцию интертекстуальности, которая проявляется за счет использования основного текстового отрывка не только как самостоятельного примера метафорического значения, но и как контекста для вставленной цитаты «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны». Говоря другими словами, политический строй и повсеместное промышленное развитие становятся знаками семиосферы речного круиза.

Посредством метаязыка, мы видим, как из вербальной формы *ленинские слова* переходят в абстрактно-имагинальное персонализированное воплощение вторичной языковой системы в мыслях читающего. При декодировании знаков, требуется база общих знаний и соответствующих представлений о мире. Таким образом, если для интерпретации знаков семиосферы метаязыком выступает метафора, то для представления человеком имагинального геопространства метаязыком становятся знания самого человека.

Новые электростанции – Горьковская (ГОРГРЭС), Казанская, Саратовская, Сталинградская, уже вступившие в работу, тысячами «лампочек Ильича» ярко освещают темные уголки Поволжья. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 105.)

Описанная выше функция интертекстуальности присутствует и в этом примере, словосочетание «*лампочка Ильича*» как знак имеет два вида отношений внутреннее и внешнее. Внутреннее индексальное значение указывает на автора создания лампочки, то есть Владимира Ильича Ленина, внешнее символическое значение характеризует процесс электрификации страны, замену свечей на использование лампочек. Также можно

проследить пространственное отношение масштабности: лампочки освещают каждый дом, как электростанция каждый город или деревню.

Если говорить о функционировании данного знака на прагматическом уровне семиосферы кризиса, то следует охарактеризовать субъект восприятия сообщения. Для человека, живущего в одно время с появлением данной реалии, то есть *«лампочки Ильича»*, значение будет буквальным, подразумевающим развитие страны. Если же мы рассмотрим данный знак с позиции современного человека, то дополнительным коннотативным значением может стать индивидуальная интерпретация знака как символа образования, то есть существовавшей в те годы, так называемой, ликвидации безграмотности. Таким образом, очевидным становится историческая и культурная семиотика восприятия знака.

Уже привычный промышленный пейзаж кризиса 30-х годов, приобретает новый, экономический и социальный характер:

Здесь расположены 2/3 всех фабрик и заводов Союза, на которых занято более половины всех рабочих страны. Экономическое значение Волжского бассейна обуславливается исключительно благоприятной экономическо-географической обстановкой. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 106.)

На синтаксическом уровне, данный пример хорошо иллюстрирует сочетание различных систем языков в семиосфере. Так, посредством первичной, вербальной языковой системы, мы видим описание знаков вторичной, образной языковой системы *фабрик и заводов* и знак *2/3* из математического языка. Таким образом, за счет комбинирования всех знаков различных языковых систем, формируется семиотическое сообщение количественного соотношения промышленности. Индексальный знак *здесь* определяет место, то есть берег Волги и дальнейшее вербальное указание количества *более половины всех рабочих* говорит: во-первых, об экономическом значении заводов, расположенных *здесь*, во-вторых, о преобладающем социальном значении фабрик как места работы.

Турист, едущий на волжском пароходе из Рыбинска до Астрахани, с палубы парохода может заметить, как из районов лесной, фабрично-заводской промышленности он переходит в районы полей, хлеба. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 113.)

Данный и следующие примеры демонстрируют иконическую функцию знака, в которой знак семиосферы кризиса копирует элементы реального путешествия. Кроме того, описание

приобретает имагинально-динамический характер за счет контрастной смены пейзажных локаций.

Примерно в полосе Татарская республика – Жигули кончаются районы черного хлеба. Отсюда до Сталинграда раскинулась житница белого хлеба. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 107.)

То есть, с помощью метаязыка человек мысленно воспроизводит иконические знаки как конкретные точки пространства, создавая тем самым, персонализированные элементы своего имагинального путешествия.

Указание на культурное развитие страны описывается через противопоставление знаков с разными функциями:

В прошлом отсталые колонии царизма – в настоящее время выросли в новые индустриальные, культурные, национальные республики. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 110.)

Через иконически-символические знаки *колонии царизма* и *республики* в субсемиосфере формируется контрастное семиотическое отображение культурного развития. Дополняется данный элемент прилагательными *отсталые* и *новые индустриальные*, которые в данном контексте становятся антонимами процесса развития. Так же противопоставляются временные отрезки индексальными знаками *в прошлом – в настоящее время*.

Купеческие особняки и пр. мощно вытеснены новой жизнью, новыми достопримечательностями, карликовые заводы – заводами-гигантами социалистической индустрии. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 109.)

Знаки вторичной языковой системы *купеческие особняки* сравниваются с *новыми достопримечательностями*, что меняет их функциональное значение места предназначенного для жизни и трансформирует в объекты исторического значения. Знаки архитектуры *карликовые заводы* и *заводы-гиганты* указывают на характер развития страны, а с помощью наречия *мощно* усиливается семиотическое восприятие скорости изменений.

Характеризуя общее субсемиотическое пространство кризиса 30-х годов, можно сказать, что на семантическом уровне мы видим присутствие всех типов знаков, среди которых преобладающим выступают иконически-символические знаки. На синтаксическом уровне

можно отметить активное комбинирование и развитие знаков, что указывает на их неоднородность и потенциальную возможность дальнейшего изменения значений в зависимости от контекста. На прагматическом уровне интересен аспект асинхронии, так как читающий может находиться в любом времени и пространстве, что соответственно влияет на семантику восприятия сообщения.

Среди всех семиотических значений культурного, экономического и сельскохозяйственного развития страны, можно выделить одно доминирующее значение, демонстрирующее повсеместное развитие страны в промышленном плане, что позволяет нам охарактеризовать данную субсемиосферу как этап промышленного развития СССР, в котором речной круиз выполняет вспомогательную функцию способа ознакомления с этим развитием.

4.2.2. Техническое развитие СССР

1954 год – это время «Хрущевской оттепели» в СССР, новый этап изменений и переустройства страны. Если в 30-х годах основным направлением была индустриализация и коллективизация, то в 50-х годах силы были направлены на восстановление последствий войны. Все заводы, фабрики и сельскохозяйственные предприятия, выпускавшие военную технику во времена Второй Мировой войны, снова возвращались к довоенному производству, но уже с приобретенным техническим преимуществом. Техническое развитие коснулось и речного флота, что привело к замене пароходов на теплоходы и расширению разнообразия речных круизов.

Учитывая общее развитие страны, изменялась и область туризма, а соответственно жанровая составляющая круизного путеводителя. Кроме познавательной функции в 50-х годах добавилось историческое описание.

...Немало столетий пронеслось над Волгой. Много хорошего, но много и тяжелого видела великая русская река. Здесь мысль русского человека творила чудеса изобретательности и здесь же царизм запрыгал человека в постыдное ярмо. (Путеводитель «Волга» 1954: 16.)

Приведенный пример выполняет функцию внутреннего текстового пространства, образующего межконтекстуальный и межвременной слой. Если в примерах 30-х годов асинхрония значения знака проявлялась за счет семиотического восприятия читающего, то в

данном случае, нам уже дано описание исторических реалий *запрягать человека, ярмо* и для любого читателя, живущего позднее года написания путеводителя, на прагматическом уровне имагинальное воспроизведение не будет изменяться.

Склады и лабазы вдоль берега, шаткие мостки, по которым, сгибаясь под непомерной тяжестью тюков и ящиков, идут вереницы грузчиков... - вот картина старой волжской пристани. (Путеводитель «Волга» 1954: 18.)

Соответственно, даже человек, отправившийся в круиз, не может визуально увидеть жизнь пристани ни более раннего, ни более позднего периода, но предлагаемое вербальное описание, дает ему возможность сформировать собственное, хотя и абстрактное, представление пристани как культурного объекта в геоимагинальном пространстве.

Старая Волга была рекой дерева, пара, парового колеса. Большая Волга становится рекой металла, мотора, корабельного винта. (Путеводитель «Волга» 1954: 24.)

Учитывая, что река Волга не может стать новой, то из *старой*, неразвитой, неосвоенной реки она превращается в *большую*, главную реку приобретая, таким образом, символическое значение. В локальном отношении, данный пример хорошо показывает динамическую смену имагинальных элементов, посредством представления парохода с колесом, вытесняемого современным теплоходом 1954 года.

Следующие два примера можно рассмотреть как следствие предыдущего примера:

Сегодня именно эти быстроходные суда (грузовые теплоходы) стали определять лицо Волги. (Путеводитель «Волга» 1954: 24.)

Метафорическое указание на *лицо* Волги позволяет читателю сформировать имагинальный образ поверхности реки, то есть геоимагинальное изображение.

Их (грузовых теплоходов) много. Они начинают вытеснять деревянную баржу с нашей главной реки так же, как автомашины вытеснили извозчиков с городских улиц. (Путеводитель «Волга» 1954: там же.)

Характер развития прослеживается за счет противопоставления иконических знаков *грузовой теплоход* и *деревянная баржа*. В общем семиотическом значении текста проявляется новая метафорическая форма сравнения реки с дорогой и ее прогрессом.

Подводя итог субсемиотическому пространству кризиса 50-х годов, следует подчеркнуть добавившейся исторический аспект и большую степень абстрактности значений, с прагматической точки зрения. На синтаксическом уровне, мы продолжаем наблюдать взаимодействие знаков с различными функциями. На семантическом уровне, первостепенным значением так и остается описание промышленного развития страны, но основной ориентир уже направлен на техническую модернизацию, что позволяет нам определить данную субсемиосферу как период технического развития.

4.2.3. Культурная модернизация

Начало 80-х годов можно охарактеризовать общеизвестной информацией о конце «периода застоя» начавшемся еще в середине 60-х годов в Советском Союзе и начале «перестройки». В путеводителе этого времени из текстов пропадает описание промышленного развития или планов по модернизации страны. В 80-е годы речной круиз приобретает широкое распространение как туристический вид отдыха, что в свою очередь влияет на повествование в тексте путеводителя, где частым становится лирическое описание окружающего ландшафта:

Эта часть пути одна из самых красивых и живописных на маршруте: темные дубравы, светлые нарядные березовые рощи, заливы, многочисленные островки на шири волжских вод. (Путешествия на теплоходе 1983: 20.)

Как и в предыдущих примерах разных лет, при пейзажном описании преобладают иконические знаки, подчеркивающие свои референты: простор реки, дубравы, березовые рощи и так далее. В данном примере практически отсутствует абстрактность, все значения могут быть легко воспроизведены в геоимагинальном представлении любого читателя с помощью метаязыка. Общее символическое значение данного текста носит характер размерности и созерцания природы, что в свою очередь определяет эстетическую функцию на парадигматическом уровне семиосферы.

Это тихое журчание воды за кормой, розовые всполохи зарницы, сосновые боры по речным косогорам, манящие огни городов и новостроек... (Путешествия на теплоходе 1983: 4.)

В данном примере иконические знаки представлены двумя тематическими группами: природные локации и городские. Если раньше контраст создавался за счет промышленного и

аграрного ландшафтов, то здесь противопоставляются природный пейзаж и городская архитектура. Обе вторичные языковые системы являются частью семиосферы кризиса и формируют семиотическую реальность.

В городе сохранилось много памятников художественной культуры русского народа – живое воплощение его истории. Конечно, перечислить их все и назвать в данном путеводителе невозможно. Сохраняя гений нашего народа, они создают неповторимый облик столицы. (Путешествия на теплоходе 1983: 12.)

Символический знак *художественная культура* формирует новый пласт культурного представления семиосферы, так как получает оболочку знака архитектуры *памятник*, за счет чего получает дополнительную характеристику *исторического* значения. То есть, метафорически художественная культура в геоимагинальном пространстве кризиса фиксируется архитектурной формой.

В субсемиосфере 80-х годов усиливается частота использования знаков вторичной языковой системы:

Вдоль правого берега Волги идет приморский бульвар с балюстрадой и беседками-ротондами. (Путешествия на теплоходе 1983: 20.)

Референт иконического знака *бульвар* определяется как дорога, предназначенная для прогулки, подробное описание архитектурного строения выполняет вспомогательную роль при визуальном восприятии описания как пейзажа.

Меняется характер описания природы:

Теплоход [...] выходит на просторы Клязьминского водохранилища. Его площадь 15 км. Это одно из любимых мест отдыха москвичей. На его живописных берегах и в Клязьминском лесопарке находятся зоны отдыха нескольких столичных районов. (Путешествие на теплоходе 1983: 16.)

Вместо полей и житниц, появляется локация *зона отдыха* как внутренняя часть городского района. Следовательно, геоимагинально, природа становится лишь малой частью городского пейзажа. В семиотическом значении, данный пример указывает на характер урбанизации пространства кризиса.

На правом берегу остается пансионат «Карачарово», где бывали Джон Рид, А. Т. Твардовский, К.А. Федин. Неподалеку от него, внимание туристов привлекут здание и большие трубы Конаковской ГРЭС... (Путешествие на теплоходе 1983: 21.)

Суммируя проанализированные примеры, можно сказать, что отличительной характеристикой субсемиосферы речного круиза 80-х годов является контрастный характер культурного ландшафта и преобладание архитектуры над пейзажем. Среди семантических значений субсемиосферы, промышленное развитие становится объектом истории, а подчеркивается эстетика круиза и культурная ценность. На прагматическом уровне, речной круиз приобретает характеристику эстетического объекта. Из всего вышесказанного следует, что субсемиосферу 80-х годов можно назвать периодом культурной модернизации.

4.2.4. Формирование нового строя

В начале 90-х годов внутренний туризм России стал менее актуальным видом отдыха, так как его заменили туристические поездки за границу. Развитие речного туризма застыло на уровне позднего советского периода и вновь вернулось как уникальный вид отдыха только в начале 2000-х годов, что подтверждает отсутствие в 90-е годы путеводителей по речным круизам. Первый путеводитель постсоветского времени издан в 2002 году.

Если переход от царской России к социализму представлял собой «семиотический взрыв», последствия которого сразу начали организовывать в четкую структуру, то переход от Советского союза к постсоветской России также подразумевает «семиотический взрыв», но результатом которого, стала абсолютная семиотическая ассиметрия, при которой любая из субсемиосфер могла бы занять место ядра, но из-за хаотичного движения других субсемиосфер ни одна не смогла занять центральное место.

В субсемиосфере постсоветского круиза 2000-х гг., как и во всех ранее проанализированных субсемиосферах, основной акцент ставится на описание пейзажа:

Участки суши сползают вниз вместе с травой и кустами. На оползших склонах деревья стоят косо, как бы зависая над рекой, образуя так называемый пьяный лес. (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 1.)

Иконические знаки *участки суши, трава, кусты, деревья* практически не имеют дополнительного стилистического описания, что можно отметить как предельную близость

референтов и знаков их отображения в субсемиосфере. Единственными элементами имагинальной детализации описания являются вербальные характеристики *стоят косо* и *пьяный*.

На семантическом уровне пространство семиосферы кризиса претерпело изменения за счет новых реалий современной жизни:

Дачный характер местности сохраняется и в процессе продвижения по каналу. Высотных домов становится меньше, местность приобретает все более сельский вид. Лирико-романтические пейзажи приходят на смену авангарда городских новостроек. (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 12.)

Контрастное описание вторичных языковых систем не изменяется, мы также наблюдаем уже знакомое нам противопоставление природы и архитектуры. Изменения происходят в стилистике текста, реальные объекты приобретают дополнительные черты, выражающиеся прилагательными: *дачный*, *высотный*, *лирико-романтический* и существительным *авангард*. Такие дополнения создают новый элемент семиотического анализа – энтропию, то есть вариативность, неопределенность передаваемой информации. Для туристов 2000-х годов, большинство из которых городские жители, пейзаж деревни или другого сельского селения вызывает именно лирическое ощущение романтики природы, которое недоступно в городе. Таким образом, имагинальное пространство путешествия приобретает ярко выраженный культурно-семиотический контраст.

За Долгопрудным, наконец, начинается зона отдыха и дачных посёлков, где благоприятно сочетаются лесные массивы и кристально чистая вода. Сюда можно быстро и комфортно добраться по шоссе и железной дороге, летом курсируют туристические теплоходы по воде, катера, лодки, парусники. Здесь расположился живописный лесопарк, пляжи на берегу водохранилища. (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 10.)

Если словосочетание *зона отдыха* уже существовало в путеводителе 80-х годов, то референт *дачный посёлок* становится новым элементом и новой локацией кризиса. Вводное слово *наконец* наводит на мысль о долгожданной смене локации, что в условиях урбанизации становится логичным. На это же указывает и наречие *благоприятно*, так как при восприятии данного сообщения ассоциативно возникает словосочетание «благоприятная обстановка», что в персонализации имагинального пространства может стать новым семантическим значением всего кризиса.

В геоимагинальном отношении пейзаж приобретает все большую генерализацию:

Канал большей частью проложен по насыпи высотой 14 м. Поэтому с борта теплохода можно обозревать далекие пространства Верхневолжской низменности, в основном заболоченные леса, среди которых лишь изредка видны селения. (Речные круизы по Волге 2008: 71.)

Если в путеводителях Советского периода мы часто встречали такие примеры экспрессивной лексики как: *темные дубравы, светлые нарядные березовые рощи*, то в современных путеводителях употребление метафоризация значительно сократилось и осталось только указание на частоту или широту локаций: *далекие пространства, изредка видны селения*.

Подводя итог проанализированной субсемиосфере постсоветского круиза, следует отметить повышенную обобщенность семиотизации, близость референтов и знаков, за счет преобладания иконических знаков. На прагматическом уровне видна тождественность между семиотикой передачи сообщения и его восприятием, что ограничивает появление новых смыслов внутри субсемиосферы. На семантическом уровне преобладающим значением становится спокойный, умиротворенный отдых, то есть речной круиз позволяет сменить привычную городскую обстановку на комфортабельное путешествие, таким образом мы можем охарактеризовать данную субсемиосферу как этап формирования нового строя, нового понимания культурных ценностей.

В следующем разделе аналитической части мы подробно рассмотрим принципы метафоризации реки Волга как семиотического ядра, а так же проследим процесс изменения восприятия Волги как культурного объекта.

4.3. Волга как ядро семиотического поля речного круиза

«Волга всем рекам мать. Волга-матушка широка и долга.»

(Пословицы русского народа, В. И. Даль 1989)

Главное условие, при котором возможно существование круиза в целом – это водное пространство. При этом речной круиз и морской круиз будут иметь общие характеристики, но форма водного пространства, то есть река или море будут обуславливать их специфику. Метафора так же является знаком, что дает нам возможность рассматривать метафорические

знаковые отношения на всех уровнях семиотизации. Таким образом, для речного круиза важно представление самой реки, также являющейся ядром рассматриваемой нами семиосферы и часто выступающей в роли самостоятельного объекта метафоризации.

4.3.1. Волга – промышленная сверхмагистраль

Как мы уже видели из примеров, описывающих субсемиосферу становления промышленности в СССР, речной круиз в целом являлся средством познания страны, а сама река Волга была инструментом и ресурсом промышленного развития.

Социалистическая стройка последних лет, развернувшаяся на берегах Волги, начавшееся сооружение канала Москва – Волга, проблема Большой Волги – коренной реконструкции Волжского бассейна, перспективные планы второй пятилетки превращают Волгу в мощную водную сверхмагистраль. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 105.)

За счет использования Волги как судоходного пути, она часто метафорически сравнивается с сухопутной дорогой или магистралью. Подобное сравнение основано на принципе перифразы, в основе которой, лежит сходство по форме и протяженности. С семиотической точки зрения, прием перифразы выполняет иконическую функцию, копируя другой объект. На синтаксическом уровне, знак *сверхмагистраль* представляет собой комбинацию с дополнением субзнака *сверх*, что расширяет семантическое значение всего знака. Имагинально подобное семантическое расширение можно представить только абстрактно, как очень большую, широкую и скоростную дорогу, так как в действительности референт не существует.

Дополнительный стилистический эффект экспрессивности создается прилагательными *мощный, величайший, крупнейший*, что подчеркивает масштаб и значение реки:

Одна из величайших рек земного шара, крупнейшая водная магистраль Союза. Волга по мощности своих перевозочных средств занимает в мировом речном судоходстве первое место. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 105.)

В процессе частого использования, метафорическое значение может стираться и становиться контекстуальным синонимом, так говоря, *водная магистраль* первым геоимагинальным объектом будет река Волга.

Грамматически, знак *Волга* характеризуется единственным числом женского рода, что часто используется при олицетворении реки, то есть ее одушевления:

Поплывут суда морского типа. Не узнать тогда Волгу. Каждый год будет меняться ее лицо. Волга бурлацкая станет Волгой социалистической. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 380.)

Имагинально, через семиотику восприятия видно, как прием олицетворения формирует образ женщины-крестьянки трансформирующийся в образ женщины, представительницы пролетариата. В данном примере, играет роль не только иконическая функция копирования реальных референтов *бурлацкий, социалистический*, но и их символическое значение развития населения Советского Союза.

Пойма и дельта Волги – советский Нил. Здесь произрастают лучшие сорта арбузов и дынь, а также виноград, абрикосы, айва, персики, из овощей – помидоры и баклажаны. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 113.)

В основе данной метафоры лежит сравнение Волги с самой длинной рекой мира Нилом. Кроме очевидного указания на длину реки, *устье и средняя* часть которой приравнивается к длине всего Нила, такое сравнение, косвенно подводит к сравнению Советского Союза со всем миром.

Если говорить о персональной коннотации знаков на семантическом уровне, то можно предположить, что возможна интерпретация, при которой река Волга (женский род) приравнивается к реке Нилу (мужской род), то есть косвенно указывает на равенство советского народа.

Суммируя проанализированное выше, можно сказать, что все используемые в 30-е годы приемы, как метафоризации, так и стилистические, направлены на формирования представления о Волге, как о быстро осваиваемом и развивающемся промышленном ресурсе. Таким образом, на этапе становления промышленности Советского Союза первостепенным было понимание Волги как условия промышленного прогресса.

4.3.2. Волга – «водная дорога»

В более позднем путеводителе «Волга» 1954 года, закрепляется сравнение Волги с дорогой:

Полноводные волжские притоки служат дорогами к хребтам Урала, к дремучим лесам Севера, к плодородным равнинам степной полосы. (Путеводитель «Волга» 1954: 10.)

На семантическом уровне мы снова сталкиваемся со значением дороги, путешествия, но теперь изменился характер путешествия и образ самой дороги, то есть реки. Теперь путешествие представляется не таким стремительным, как в начале 30-х годов, а на смену целеустремленной, прямой магистрали приходит описание разветвленной дороги.

В стилистическом отношении хорошо видна разница степени окрашенности используемой лексики. Если в 30-е годы для описания знаков использовалась предельная экспрессивность значений развития, в 50-х годах, экспрессивность выражена не менее яркими эпитетами, но в значении объема: *полноводный, дремучий, плодородный*.

А сколько талантливых механиков и конструкторов дала Волга! Наиболее известен из них В. И. Калашников. Он в конце прошлого и начале нынешнего века переделал свыше 100 волжских пароходов и построил более 50 новых, настолько прочных и надежных в эксплуатации, что некоторые из них плавают и по сей день. (Путеводитель «Волга» 1954: 16.)

Вновь прием олицетворения заставляет нас учитывать женское начало реки, рождение жизни. С точки зрения семантики, значение знака *дала Волга*, обозначает рождение людей на территории прибрежных городов и деревень Волги.

Грандиозный план Большой Волги предусматривает коренную реконструкцию реки, ее наилучшее и всестороннее использование на благо народа. (Путеводитель «Волга» 1954: 19.)

Уже встречавшееся нам при анализе субсемиосферы периода технического развития СССР, словосочетание Большая Волга обозначало развитие страны в его общем значении. Теперь же рассматривая данный знак как самостоятельную метафору реки, можно учесть дополнительные стилистические особенности. Из примера видно, что эпитетами *грандиозный, коренной* усиливается значение общей метафоры для передачи масштабности идеи и основательности изменений. Во втором случае в метафоре *коренная реконструкция*

присутствует иконический знак *коренная*, но для создания метафоры используется не его референт, а символическое значение корней как глубинного основания чего-либо.

Важно также отметить, что «Большая Волга» – это название плана реконструкции, который в последствие по метонимической смежности подразумевается, но используется без пояснительного слова *план*.

Директивами XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусмотрен ввод в действие сверхмощной Куйбышевской гидроэлектростанции. На наших глазах Большая Волга становится явью. (Путеводитель «Волга» 1954: 20.)

Следующим этапом становится метафорическое описание реализации плана реконструкции Волги, за счет употребления эмоционально окрашенного слова *явь*. В стереотипно-ассоциативном представлении явью становятся мечты, то есть в имагинальном представлении читателя абстрактно возникает сопоставление плана реконструкции как воплощения мечты.

Далее мы видим новое семиотическое изменение значения Волги как самостоятельного объекта кризиса:

Только два десятилетия понадобилось советскому народу для завершения и другого дела чрезвычайной важности и трудности – соединения бассейна Волги со всеми морями, омывающими европейскую часть страны, превращение Волги в магистраль пяти морей: Белого, Балтийского, Каспийского, Азовского, Черного. (Путеводитель «Волга» 1954: 20.)

Из прямой реки-магистрали Волга расширяется до имагинально-пространственного символа перекрестка. Интересно, что в семиотической реальности кризиса *магистраль* становится синонимом Волги, так как знак *магистраль* уже не требует пояснения *водная*, то есть из иконического знака он переходит в класс символического, для которого референт материального мира не важен.

Наравне с метафорическим воплощением Волги-дороги, не менее важной становится новая характеристика Волги.

Рост флота, рост перевозок, строительство и механизация портов еще больше поднимут народнохозяйственное значение главной водно-транспортной артерии страны. (Путеводитель «Волга» 1954: 22.)

Референтом иконического знака *артерия страны* является кровеносная артерия в теле человека, снабжающая органы кислородом. По свойству смежности метонимии, Волга приобретает характеристику системы, жизненно важной для работы сельского хозяйства, а значит для страны. Пояснительное определение *водно-транспортный* указывает на элементы необходимые для полноценной работы: водные ресурсы и грузовые перевозки.

Подводя итог создаваемого представления Волги как самостоятельного объекта субсемиосферы курса технического развития страны, можно отметить уже устоявшееся значение Волги-магистральной. Данный семиотический элемент остается основным, но приобретает более широкие функции, становясь имагинальным перекрестком. Новым стало подчеркнутое значение реки как жизненной силы, направленной на восстановление сельскохозяйственного сектора. Геоимагинально Волга становится бесконечной водной дорогой, которая соединяет и оживляет различные уголки страны, то есть перевоплощается во всеобъемлющую реку. Так же в 50-е годы начал зарождаться одушевленный, женский образ Волги.

4.3.3. Волга – одушевленный облик реки

Субсемиосфера культурной модернизации речного круиза 80-х годов, полна новых семиотических знаков, за счет появления новых референтов и большей энтропии значений. Так же и Волга, как самостоятельный объект круиза, претерпела коннотационные изменения.

Великая русская река, гордость земли нашей – Волга, добрая для друга и грозная для врага, воспета в былинах, сказаниях, песнях. Это наша история, наше прошлое, настоящее и будущее. (Путешествия на теплоходе 1983: 10.)

Общее значение метафоры не ново, так как подразумевает олицетворение Волги, но если раньше одушевление реки осуществлялось путем метафоризации внешности, то в данном примере Волга наделяется человеческими качествами *добрая, грозная*. Перифразы *великая русская река* и *гордость земли нашей* становятся контекстуальными синонимами. Дополнительный окрас добавляет глагол *воспета*, так как подчеркивает высокий статус реки и указывает на стилистическую особенность древнерусской лексики, используемой в устном народном творчестве.

Следующий пример возвращает нас в семиотическое прошлое:

Справа – пристань «Большая Волга», у которой останавливаются суда, курсирующие на линиях Калинин, Дубна, Углич, Ярославль. Слева на фоне сооружений гидроузла возвышается величественный памятник В. И. Ленину из серого гранита. (Путешествия на теплоходе 1983: 19.)

При анализе метафор технического развития Советского Союза словосочетание «Большая Волга» так же выполняло нарицательную функцию, являясь названием плана реконструкции реки, что в семиотической реальности так и осталось метафорическим воплощением прогресса страны. В данном же примере имя нарицательное осталось тем же, но сменился референт, теперь это название пристани, а референт план реконструкции реки уже не существовал в 80-х годах. Таким образом, метафорически пристань стала символическим отголоском того плана, выраженным знаком вторичной языковой системы.

Частым приемом метафоризации является указание на движение, то есть перемещение Волги в пространстве как одушевленного воплощения реки.

Далее Волга расширяется: чувствуется подпор плотины сооруженного в 1937 году Ивановского гидроузла. (Путешествия на теплоходе 1983: 21.)

Вскоре Волга покидает Калининскую область и на протяжении 310 км продолжает свой путь до Ярославской области. (Путешествия на теплоходе 1983: 22.)

В некоторых примерах интертекст выполняет функцию контекста для более яркого выражения метафоры:

Перед ним у входа в шлюз установлена скульптура молодой женщины, олицетворяющей Волгу. На пьедестале начертаны ленинские слова: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». (Путешествия на теплоходе 1983: 22.)

Сама метафора Волги выражена знаком вторичной языковой системы, то есть скульптурой. С одной стороны, скульптура как элемент архитектуры является предельно иконическим знаком, копирующим не только форму и визуальное представление, но и смысловое содержание референта. С другой стороны, скульптура может принимать любую форму, в зависимости от идеи автора, но смысловая нагрузка остается не изменой, что характеризует скульптуру как более абстрактный символический знак семиосферы. В анализируемом примере, скульптура изображает одушевленную Волгу как молодую женщину, то есть

скульптура выступает зафиксированной метафорой во времени и пространстве. Следует отметить, что вновь олицетворенный облик Волги как женщины указывает на общепринятое, неизменное символическое значение, используемое в литературе, культуре и других эстетических направлениях.

Если на этапе становления промышленности СССР именно эти *ленинские слова* выступали в значении интертекста, но представляли собой метафору, то в данном примере, тот же интертекст становится контекстом, формирующим межвременные рамки, придающие историческую ценность самой метафоре. Посредством интертекста читатель ассоциативно связывает скульптурный образ Волги как символическое имагинальное выражение электрификации.

Как при анализе субсемиосферы культурной модернизации речного круиза, так и в анализе метафоризации самой реки, характерна тенденция использования знаков вторичной языковой системы наравне с первичной, вербальной системой семиосферы. Таким образом, метафоризация Волги приобретает визуальное сопровождение. С геоимагинальной точки зрения, подобная тенденция упрощает семиотическое восприятие читателя.

4.3.4. Волга – женщина

В субсемиосфере постсоветского круиза формирования нового строя меняется характер описания путешествия, соответственно меняется и метафорическое изображение Волги:

На расстоянии в полкилометра от истока бочагов, окруженных зарослями осоки, становится меньше, появляется русло, река струится, журча, по крупным валунам и несет свои потоки через леса, холмы и болота, обретая полноту и скорость, питаясь водами ручьев и озер, петляет в окружении сосен, берез и елей. Ее берега то круты, то пологи, течение то шумное и быстрое, то медленное, едва заметное. (Путеводитель «Речные круизы» 2002:1.) (Москва-Дубна)

Абсолютное преобладание иконических знаков в тексте, формируют пейзажное описание круиза в семиосфере. Метафора одушевленности Волги так же художественно описывается, как сам пейзаж, с помощью стилистически окрашенной лексики: *струится, журча, обретая полноту, питаясь водами, петляет*. Все используемые здесь приемы создают эстетический облик Волги.

Начинается Волга тоненьким ручейком на Валдайской возвышенности, а заканчивается могучим потоком, несущим около 8000 м³ в секунду в Каспийское море. (Речные круизы по Волге 2008:7.)

Из приведенного выше примера следует контрастное противопоставление двух стадий формирования реки первоначальной и конечной. Стилистическая окраска словосочетаний *тоненьким ручейком* и *могучим потоком* усиливает геоимагинальное восприятие, что позволяет читателю создать визуальное отображение развития Волги.

Если в вышеприведенном примере метафоризировалось только два состояния реки: начальное и конечное, то далее описывается путь ее развития:

Не пройдя и 10 км от истока, ручеек с этим гордым именем (Волга), впадает в озеро Стерж – первое из гирлянды Верхневолжских озер, через которые ему предстоит пройти, прежде чем превратиться в настоящую реку. (Речные круизы по Волге 2008: 11.)

Продолжая тенденцию олицетворения Волги, можно сказать, что перед нами описание ее детства, усиленное на стилистическом уровне уменьшительно-ласкательной формой *ручеек*. Метафорическое значение Волги, подчеркивается эпитетом *гордое имя*, то есть ручеек еще не ставший рекой, но уже имеющий первостепенное значение в развитии страны.

В подтверждение тенденции метафоризации Волги знаком вторичной языковой системы предлагается следующий пример:

Через 2 км входим в шлюз № 5. На подходе к нему (шлюзу) возвышается скульптура морячки, в вытянутых над головой руках она держит парусное судно. (Речные круизы по Волге 2008:70.)

Коннотация данного текста как знака семиосферы довольно энтропийна, так как в описании не дано контекста и семиотическое восприятие всецело зависит от мысли читателя. Таким образом, описанный знак скульптуры морячки может символизировать одушевленное изображение реки Волги, так как на это указывает дополнительный метафорический элемент *парусного судна* в руках морячки.

С другой стороны, данный знак скульптуры может символизировать всю водную стихию как живительную силу природы¹ (Приложение 3).

Как мы уже упоминали в начале аналитической части, в семиосфере существует «свое» и «чужое», разделенное границей. Четвертый раздел аналитической части и будет посвящен отдельному рассмотрению границ как элемента, создающего динамику в семиосфере речного круиза и влияющему на персональное геоимагинальное представление речного круиза читателем.

4.4. Анализ функций границ семиосферы речного круиза

*...И Волга лентою обычной
Меж берегами потекла;
И шириною безграничной
Не поражала, но была
Еще прекраснее: налево
Все тот же синий ряд холмов,
А там луга, и для посева
Поля, кой-где клочок лесов...*
(Садовников Д. Н. «Родная река» 1876)

Как уже описывалось в теоретической части работы, семиосфера, как и любое пространство имеет границу, разделяющую «свое» внутреннее пространство и «чужое» внешнее. Кроме того, каждая из субсемиосфер также имеет «свое» и «чужое» пространство, что подтверждает общую многоструктурность семиотического поля. (Лотман 1992: 257).

Понятие границы также как и понятие знака является семиотическим элементом, что позволяет нам использовать, уже применяемый ранее, семиотический анализ, то есть рассмотреть семиотические границы на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях. Дополнительным аспектом анализа станет рассмотрение внутренних границ субсемиосфер и их взаимодействие друг с другом и с семиотическим пространством.

¹Скульптура «Водный путь» создана в 1937 году советским скульптором Юлией Альбертовной Кун. <<http://art.sovfarfor.com/raznoe/o-tvorchestve-yulii-albertovny-kun>> [Просмотрен 22.05.2014]

Прежде чем анализировать границы в семиосфере речного круиза, следует определить их характер. Диахроническая ось структурирует пространство всей семиосферы, то есть организует внутренние субсемиосферы по временным периодам и тем самым выполняет функцию временной границы. Все внутренние субсемиосферы так же имеют свои границы, которые, посредством семиотической динамики, периодически соприкасаются. Любая река, по своей природе, уже является границей, что позволяет нам в процессе анализа сформировать культурный ландшафт с позиции этой границы. Следовательно, теплоход займет место внутренней подвижной границы.

Учитывая, диахронический характер границ, их семиотический анализ также будет проведен в последовательном, хронологическом порядке.

4.4.1. Октябрьская революция как семиотическая граница

Для «царской России, не знавшей туризма» (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 365) таким переломным событием стала революция 1917 года, после которой начал формироваться Союз Советских Социалистических Республик. Именно революция стала причиной «семиотического взрыва» и отправным пунктом семиотической динамики в субсемиосфере становления промышленности СССР.

Основной интерес к СССР пробужден Октябрьской революцией, героической борьбой пролетариата и результатами этой борьбы – социалистическим строительством, пятилеткой, новым бытом, народами СССР, их культурой и искусством. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933:366.)

Периферия начала смешать центр на всех уровнях семиотического пространства, в подтверждение этого пролетариат стал доминирующей и основополагающей социальной группой, а знатные сословия потеряли прошлые привилегии. На более общем уровне разграничения, продолжают существовать контрастные группы последователей и противников революции.

Растут ряды живых свидетелей пролетарского энтузиазма, повышения нашего культурного уровня и благосостояния, перестройки быта; они помогают разрушению диких и злостных легенд, направленных против СССР. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933:369.)

Граница действует как катализатор структурных изменений, из вышеприведенного примера видно как *ряд живых свидетелей* отделяется от другой массы не свидетелей или неживых свидетелей.

От Калинина до Рыбинска – ежедневная линия с пассажирскими пароходами СЗУРТа. В линии несколько двухэтажных пароходов. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 117.)

В данном примере, мы видим, что индексально-иконические знаки *двухэтажные пароходы* указывают на результат как на следствие семиотической динамики, то есть развитие парохода как самостоятельной локации в контексте общепромышленных изменений. В метафизическом значении нам дают понять, что в дореволюционное время пароходы были однопалубные, но посредством революции, промышленное развитие затронуло и пароходство. Таким образом, за счет расширения внутреннего метафизического пространства парохода, расширяется, то есть усложняется, и его внутреннее семиотическое пространство.

Следующий пример показывает функцию границы сразу на трех уровнях изменения: семантическом, синтаксическом и прагматическом.

До 1931 г. Калинин назывался Тверью. В 1931 г. в знак того, что в Тверской губернии родился всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, город переименован в Калинин. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 116.)

Мы видим, как иконический знак *Тверь* становится символически-иконическим знаком *Калинин*. Метафизический референт вторичной языковой системы остается неизменным, но вследствие около пограничной динамики субсемиосферы, иконический знак *Тверь* переходит в область периферии, а его заменяет символически-иконический знак *Калинин* с новым значением революционных изменений. То есть мы видим, что с метафизической точки зрения, меняется только форма, но в семиотической реальности меняется и форма и значение, а соответственно и прагматика этого значения. Подобный процесс носил стихийный и повсеместный характер в 30-е гг., причиной которого стал «семиотический взрыв» в лице революции.

Похожее изменение произошло и с более локализованными знаками субсемиосферы становления промышленности, семиотическое значение которых, стало относиться к периферии или совсем вышло за внешнюю границу субсемиосферы.

Из пристаней до Рыбинска внимание туриста привлекут: Конаково с фабрично-фаянсовой фабрикой им. Калинина [---] Кирмы расположенные напротив Савелова, крупный центр кустарного сапожного промысла, есть механическая фабрика обуви, музей; Углич – древний город, ряд архитектурных памятников XV – XVIII вв. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 117.)

Как уже говорилось, субсемиосферы находятся в постоянном движении, что подразумевает периодическое соприкосновение их границ, а значит переход знаков из одной субсемиосферы в другую. В предыдущих главах аналитической части уже было описание иконического знака *пристань* императорского времени, как отсталого, неразвитого элемента дореволюционной субсемиосферы. Как мы видим из данного примера, старое значение ушло за внешнюю границу той субсемиосферы и вновь появилось с новыми значениями исторического и культурного характера в субсемиосфере 30-х гг.: *фабрично-фаянсовой фабрики, крупного центра кустарного сапожного промысла, ряда архитектурных памятников*. Знак вторичной языковой системы *ряд архитектурных памятников* за счет уточненных временных рамок *XV – XVIII вв.*, кроме своего первостепенного значения места для жилья, в данной субсемиосфере, приобретает дополнительное, историческое и культурное значение.

Вышеуказанный пример также как и следующий показывает соприкосновение границы со знаками субсемиосферы не только на семантическом уровне, но и на синтаксическом.

Камское устье – перевалочная пристань для грузов, идущих с Нижней Волги на Каму и обратно. Репинский пейзаж «Бурлаки» от горы Обоч. (ниже пристани Камское устье.) (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 386.)

Как и архитектура, интертекст *Репинский пейзаж «Бурлаки»*, повсеместно известный (в примере даже не дается полное название картины «Бурлаки на Волге») как знак вторичной языковой системы, то есть живопись, за счет стыка с описанием речного круиза посредством знаков первичной языковой системы, а также являясь частью этого описания, показывает синтаксическую организацию пограничного пространства.

Интересно, что с геоимагинальной точки зрения, иконический знак *от горы Обоч* указывает на соответствующий метафизический ракурс конкретной локации, отображенной на картине. С одной стороны, читатель путеводителя не может имагинально воспроизвести данное пространство, не зная его, поэтому ссылаясь на изображение картины, замещает им метафизическое место. С другой стороны, турист на теплоходе может увидеть

метафизический объект, то есть гору Обуч, а имагинально воспроизвести изображение картины.

Вышеприведенные примеры показывали процессы, происходившие около диахронической границы субсемиосферы, то есть знаки, которые были адаптированы после «семиотического взрыва». Далее мы остановимся на примерах внутренней границы, то есть парохода.

От истоков до Казани Волга проходит через зону смешанных хвойно-лиственных лесов. Далее идет лесостепная зона по правому берегу Волги до Саратова и по левому – до Самары. И наконец, все остальное Поволжье, вплоть до моря, лежит в области полупустыни. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 113.)

Из данного примера видно смену природных зон *хвойно-лиственного леса, лесостепной зоны и зоны полупустыни*. Каждая из зон плавно переходит в другую, но для субсемиосферы они представляют собой общий иконический знак вторичной языковой системы. Разграничением в данном примере является указание на асимметрию восприятия *по правому берегу Волги, по левому*. С точки зрения геоимагинального воспроизведения теплоход также будет являться границей. Повествование ведется последовательно, описывается то один, то другой берег, таким образом, у читателя складываются два имагинальных образа семиотического пространства, но в сумме дающих общее геоимагинальное представление речного круиза.

Коломна – осмотр города во время стоянки парохода [...] Осмотр строительства гавани на р. Трубеже, экскурсия в музей. Елатьма – дачное место. Муром – одна из крупнейших пристаней Оки. Общий обзор города с борта парохода. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933:386.)

Город – это тоже семиосфера, обладающая собственным внутренним пространством и структурной организацией, но если представить, что «чужая» семиосфера города немного наслаивается на семиосферу речного круиза и соприкасается с ее субсемиосферами, тогда *обзор города с борта парохода* становится периферией субсемиосфер речного круиза, за счет теплохода как внутренней границы. То же самое происходит и с геоимагинальной точки зрения, турист на теплоходе может проплыть мимо города, обозревая его очертания, но не попадая внутрь, а значит городской пейзаж становится частью геоимагинального пространства речного круиза.

Подводя итог анализа границ субсемиосферы становления промышленности в СССР, можно отметить, что революция стала отправной точной всех последующих изменений и адаптаций данной субсемиосферы, что подтверждает ее функцию как семиотической границы. Внутренняя же граница – паром, выполняет соединительную и разграничивающую роль между семиотическим полем речного круиза и другими семиотиками, с которыми он соприкасается.

4.4.2. «Большая Волга» как семиотическая граница

Как уже упоминалось в период технического развития Советского Союза, основные силы были направлены на реорганизацию, реализацию изменения, создания новых планов, что коснулось и отрасли речного круиза.

Диахроническая граница субсемиосферы технического развития также может быть проиллюстрирована более конкретным социально-историческим событием, повлиявшим на моделирование ее внутреннего семиотического пространства.

Разработанный по указанию партии и правительства план дальнейших работ на великой реке получил образное название плана Большой Волги. (Путеводитель «Волга» 1954: 19.)

Из примера мы видим, что индексальный знак *план Большой Волги*, который уже упоминался в примерах анализа семиотического пространства, является диахронической границей 50-х гг., то есть выполняет функцию симптома, указывающего на последующее создание динамики внутри данной субсемиосферы.

Внутри анализируемого периода также как и в общей семиосфере речного круиза, существует диахроническое подразделение на временные отрезки по пять лет, характерные для Советского Союза.

В пятой пятилетке осуществляются основные работы по созданию самых крупных гидроузлов Большой Волги. (Путеводитель «Волга» 1954:20.)

Индексальный знак *пятая пятилетка* хорошо демонстрирует структуру внутренней диахронической границы. То есть, мы видим, что каждый отрезок времени составляет пять

лет, а следовательно, каждые пять лет основной элемент переходит в статус периферии, а на его место приходит новый элемент или сама периферия занимает центральное место. Например, для пятилетки, приведенной в примере, около ядерное пространство будут составлять знаки с семиотическим значением энергетического развития, а значения исторического, культурного, туристического развития отойдут в пространство периферии.

Следующий пример также иллюстрирует диахронические границы и семиотическое значение реки как ресурса.

Таким образом, подготовка к использованию для народного хозяйства огромных энергетических ресурсов почти на всем протяжении Волги завершится в основном за 20 лет, причем из этих 20 лет четыре года отняла у нас война. (Путеводитель «Волга» 1954: 20.)

Отличительным элементом в данном примере, является упоминание Второй Мировой войны. С одной стороны, индексально-символьный знак *отняла* указывает на диахронический отрезок, то есть отделенный границами, препятствующий общему развитию в рамках 20 летнего периода. На структурном же уровне, годы 1941 - 1945 составляют самостоятельную субсемиосферу, которая может быть рассмотрена отдельно. С другой стороны, даже не рассматривая субсемиосферу 40-х гг., индексально-иконический знак *война* подразумевает неизбежное семиотическое разрушение старых границ и появление новых. Таким образом, диахронически следующая за этим периодом субсемиосфера 50-х гг. будет иметь в около ядерном пространстве не только семиотическое значение развития, но и новое, пришедшее с периферии, значение восстановления последствий войны.

Поэтапно двигаясь по диахронической оси семиосферы, иконический знак *парохода* переходит в «новое» субсемиотическое пространство технического развития СССР, а соответственно адаптируется и становится *теплоходом*.

Именно на Волге был создан тот тип комфортабельного пассажирского судна, который без существенных изменений сохранился до настоящего времени. (Путеводитель «Волга» 1954: 16.)

Индексально-иконические знаки *тот тип судна* указывают на то, что группа референтов, то есть пароходы одной модели, пройдя через границы субсемиосфер *без существенных изменений, сохранились до настоящего времени*, тем самым став частью нового семиотического пространства, но заняв в нем периферийное место. Тем не менее, так происходит не со всеми знаками внутренней подвижной границы.

Пассажирский флот Большой Волги пополняется дизельэлектроходами, а также теплоходами мощностью в 300, 900 и 1200 лошадиных сил, рассчитанными на создание наибольших удобств для пассажиров. (Путеводитель «Волга» 1954:22.)

Другие иконические знаки *дизельэлектроходы*, *теплоходы*, сохраняющие за собой метафизическое выражение референта – судно, проходя через внешнюю границу, переводятся, а значит адаптируются, становясь для нового пространства «своим» и сохраняя при этом, функцию внутренней границы. То есть, данный пример показывает взаимодействие диахронической границы и внутренней подвижной границы субсемиосферы. Интересно, что знак *теплоход*, перейдя из диахронически старой субсемиосферы в новую, не перестает существовать в старой, так как референт не выходит из употребления, а значит имеет знак с семиотическом пространстве.

На геоимагинальном уровне, читатель путеводителя, видя описание парохода или теплохода, мысленно представляет себе общий образ речного судна, но имплицитно понимая измененный, технический принцип его работы, что в свою очередь не меняет его восприятие «картины мира», но меняет его имагинальное представление внутреннего семиотического пространства самого теплохода.

Как и в период становления промышленности, теплоход продолжает выполнять функцию отграничения одного пространства от другого.

Нигде в Европе не существует такого раздолья и удобств для речных путешествий как на Волге и Каме – писал он (Н. Ф. Голубев), - поэтому я считаю лечение речными путешествиями как бы нашим специально русским лечебным средством. По моему мнению, никакие морские и никакие другие путешествия не могут сравниться [...] с путешествием на удобном речном пароходе; тут нет ни качки, ни морской болезни, ни однообразного, унылого, щемящего у многих сердце вида безграничного моря; тут нет пыли, тряски и прочих неудобств переездов на лошадях и в вагонах. (Путеводитель «Волга» 1954: 28.)

Мы видим, что теплоход как внутренняя граница отделяет *путешествие на удобном речном пароходе* от *морского* или *другого путешествия*. То есть, если представить, что субсемиосфера технического развития является частью семиосферы всего круиза, а еще шире частью семиосферы путешествия, то теплоход будет обладать характеристикой полилингвистичной границы.

Следующий пример, показывает функцию внутренней границы в условиях более узкого контекста.

Врачи уже давно обратили внимание на пользу продолжительного пребывания больных на Волге и советовали им кататься некоторое время взад и вперед на пароходах. Польза от этого была большая; нервные люди получают особенное облегчение своих недугов. (Путеводитель «Волга» 1954: 28.)

Символический знак *больной* из привычного «своего» пространства попадает в новое, «другое» и посредством теплохода, при условии *катания взад и вперед*, приобретает значение *здорового*. То есть, теплоход как граница разделяет больных от здоровых.

Наравне с функцией разделения, теплоход выполняет и функцию точечного соединения с другими субсемиосферами, через локации.

После того как теплоход встал к причалу, его закрепляют тросами – швартовыми, наматывая их на особые чугунные тумбы – кнехты. (Путеводитель «Волга» 1954: 24.)

В данном случае, локация представлена, знаком вторичной языковой системы, *причалом*, который занимает периферийное место в семиотике города, но одно из центральных мест в семиосфере речного круиза.

В субсемиосфере культурной модернизации диахроническая граница выражена идеей плана «Большая Волга» по реконструкции реки, что объясняет все последующие семиотические изменения значений знаков.

4.4.3. «Период застоя» как семиотическая граница

Далее мы переходим к рассмотрению границ и их функций в субсемиотическом пространстве культурной модернизации.

Как мы уже выяснили при анализе данного периода, историко-политические события Советского Союза характеризуются отсутствием промышленного развития, который с этой точки зрения носит название «периода застоя», что в свою очередь выдвигает на первый план исторические и культурные ценности. Таким образом, элемент «период застоя» и

является для субсемиосферы 80-х гг. главной диахронической границей, которая создает семиотическую динамику.

Справа – пристань «Большая Волга», у которой останавливаются суда, курсирующие на линиях Калинин, Дубна, Углич, Ярославль. Слева на фоне сооружений гидроузла возвышается величественный памятник В. И. Ленину из серого гранита. (Путешествия на теплоходе 1983: 19.)

Знак *Большая Волга*, раньше обеспечивавший наиболее активную около пограничную динамику в субсемиосфере периода технического развития., пересекаясь с внешней границей субсемиосферы культурной модернизации, адаптируется в новом пространстве в форме иконического знака *пристань*, не теряя при этом первостепенного значения, но также приобретая функцию одной из периферийных границ семиотического пространства 80-х гг. То есть, на небольшом участке непосредственного соприкосновения субсемиосфер 50-х и 80-х гг., граница становится полуоткрытой.

Пограничная динамика начинает менять семиотическое пространство на всех уровнях, так следующий пример иллюстрирует изменения на уровне семантики.

Он (канал Москва-Волга) позволил решить важнейшую проблему – водоснабжение города и, соединив Москву с Волгой, дал новый импульс развитию судоходства. Для жителей столицы живописные берега водохранилищ и канала стали любимым местом отдыха. (Путешествия на теплоходе 1983: 16.)

Мы видим, что индексально-иконический знак *канал Москва-Волга* в данном примере, несет значение исторического этапа развития. Интересно, что уже выполнив свое первостепенное назначение и пройдя пограничное пространство, знак при этом не выходит за границу субсемиосферы, а выделяет новое значение, более соответствующее данному семиотическому пространству, то есть принимает значение *любимого места отдыха*.

Если предыдущий пример показывал влияние границы только на семантическом уровне, то далее мы сталкиваемся с уже знакомым нам, адаптацией знаков на всех уровнях семиозиса одновременно.

В 50 км ниже Рыбинска на обоих берегах Волги лежит старинный город Тутаев (бывший Романов-Борисоглебск). Он носит имя красноармейца Ильи Тутаева, погибшего при подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле в 1918 году. (Путешествия на теплоходе 1983: 22.)

Иконический знак вторичной языковой системы *Романов-Борисоглебск* переходит в область периферии за несоответствие данной субсемиосфере, а центральное место занимает иконически-символический знак *Тутаев*. Причем, такую группу знаков можно назвать стабильной, а процесс закономерным, так как семиотическое изменение значений знаков вторичной языковой системы характерно для субсемиосферы становления промышленности, но они продолжают занимать центральное место как в субсемиосфере 50-х гг. так и 80-х.

Внутреннее диахроническое разделение представлено обычным для периода СССР временным отрезком пятилетки.

К концу одиннадцатой пятилетки запланировано увеличить туристские перевозки на 20 проц. Произойдет это за счет пополнения речного флота новыми теплоходами типа «Советская Россия» и «Валериан Куйбышев». (Путешествия на теплоходе 1983: 9.)

В данном случае, мы видим, что индексальный знак *одиннадцатая пятилетка* указывает на границы временного отрезка, в который входит рассматриваемый нами 1983 год. В политически-экономическом значении, у каждой пятилетки были свои задачи и свои результаты, а значит в пределах своих границ, данный отрезок диахронической оси имеет сфокусированное семиотическое значение для общей «картины мира» речного круиза. Также хотелось бы отметить, интересную особенность названия теплоходов, среди которых преобладают названия мужского рода или указание на страну.

Теперь рассмотрим теплоход как внутреннюю границу субсемиосферы 80-х гг. Функция разделения может быть проиллюстрирована следующим примером.

В 11 км от Диева городища на правом берегу видны строения Николо-Бабайского монастыря. Рядом с монастырем на реке Солонице большой поселок Некрасовское [---]. Далее на левом берегу село Рыбницы, связанное с именем выдающегося скульптора А. М. Опекушина. (Путешествия на теплоходе 1983: 25.)

Кроме того, в примере указана гетеротопическая локация *Николо-Бабайский монастырь*, входящая в семиотическое поле как периферийный элемент.

Суда различных типов, в том числе теплоходы на подводных крыльях, доставляют отдыхающих в Клязьминский пансионат, Солнечную поляну, Хвойный бор, бухту Радости. (Путешествия на теплоходе 1983: 16.)

Теплоход, являясь внутренней подвижной границей, выполняет функцию ограничителя своего внутреннего пространства от пространства всей семиосферы, но в тоже время периодически соприкасается с ним. Так из примера, видны точки соприкосновения теплохода-границы с отдельными локациями субсемиотического пространства *Клязьминским пансионатом, Солнечной поляной, Хвойным бором и бухтой Радости*, которые так же обладают гетеротопическими свойствами гетерохронии и противопоставления реальности.

Похожую функцию соединительной локации, где внутренняя подвижная граница непосредственно соединяется с субсемиосферой, выполняют и другие знаки вторичной языковой системы.

Теплоход проходит мимо знаменитого завода «Красное Сормово» им. А.А. Жданова, Горьковского механизированного порта, делает плавный поворот и швартуется у причалов построенного в 1964 году в устье реки Оки Горьковского речного вокзала. (Путешествия на теплоходе 1983: 30.)

Точка соприкосновения, выраженная иконическим знаком вторичной языковой системы *механизированный порт*, относится к группе уже встречавшихся нам соединительных локаций причала, шлюза, в данном случае у нас еще есть и указание на изменившееся значение знака порт - *механизированный*, так знак порт пройдя через границу, принял более актуальное значение для данной субсемиосферы. Если учитывать значение порта как места, откуда отправляется теплоход и куда прибывает после путешествия, то можно так же выделить социальные группы *провожающие/встречающие* и *туристы*, которые разделены внутренней границей теплохода в условиях локации *порт*.

После шлюза № 2 у поселка Темпы, последней ступеньки северной водяной лестницы, канал выходит на уровень Иваньковского водохранилища на Волге. (Путешествия на теплоходе 1983:19.)

Иконический знак *шлюз* являясь знаком вторичной языковой системы, представляет собой соединительную семиотическую локацию промышленного развития реки Волга как ресурса и имеющий метафизическое значение возможности прохождения теплохода по водохранилищам, а семиотически путешествия теплохода сквозь общее промышленную область значений различных знаков. Интересно, что геоимагинально шлюз может представлять собой метафорический водный лифт или как описано в примере водную

лестницу, то есть образ, который останется в памяти человека, как и после прочтения путеводителя, так и после непосредственного путешествия.

Подводя итог анализа внешних и внутренних границ семиотического пространства советского речного круиза, можно сказать, что для внешних границ характерна привязанность к тому или иному событию промышленного развития Советского Союза, как правило, связанного с диахронической осью, и неизбежным влиянием данного события на изменение семиотического пространства. Теплоход, как внутренняя граница каждого субсемиотического пространства выполняет разделительную и соединительную функции. Как самостоятельное внутреннее пространство, теплоход обладает свойствами гетеротопии, что делает его уникальным семиотическим элементом речного круиза.

4.4.4. Распад Советского Союза как семиотическая граница

Как мы уже говорили, период начала 90-х гг. также как и 20-х представляет собой время «семиотического взрыва», но с различными структурными последствиями внутри семиосферы, последствием семиотического взрыва данного периода стала семиотическая асимметрия.

Если говорить о границах, то в 90-е годы единственной сформировавшейся границей стала внешняя граница, отделяющая «свое» пространство субсемиосферы постсоветского времени от всего субсемиопространства СССР. Данная граница объединяет в себе и функцию диахронической границы, и также выполняет непосредственную функцию фильтрации знаков. Внутренние же границы субсемиотического пространства 90-х гг. имеют условный и непостоянный характер, они то возникают, то исчезают, учитывая несформированную структуру самого пространства. Околопограничная динамика замедлена, так как параметры границ еще не образовались и не известно какие из знаков являются «чужими», а какие «своими» для данной субсемиосферы.

Теплоход как самостоятельное семиотическое пространство, также находится в состоянии неопределенности. С одной стороны, продолжая иметь обширный ряд референтов, знаки имеют право существовать в семиотической системе, но в условиях не сформированного семиотического пространства, а соответственно и не возможности адаптации к нему, знаки остаются в нейтральной зоне, готовые в любой момент перейти в пространство периферии

или центра. На диахронической оси, данный процесс занимает около пяти лет в семиосфере речного круиза, так как с 1995 года речной круиз как феномен туризма снова начал возрождаться.

В 2000 году формируется новая семиотическая граница – социально-политическая реформа и культурно-историческое переосмысление периода существования Советского Союза, что затрагивает все семиотические пласты и дает импульс новой структуризации, а также отделяет субсемиосферу 90-х гг. как «чужое» пространство.

За счет сформированного нового образа жизни и новых ценностей, трансформировалось отношение к историческому прошлому. Все что было создано за годы существования Советского Союза приобрело новые контексты восприятия, а само значение распада СССР привело к образованию диахронической границы субсемиосферы формирования нового строя.

За укрощение реки пришлось заплатить немалыми жертвами. Под водой оказались сотни деревень и десятки городов с многовековой историей, 600 тыс. человек вынуждены были покинуть свои дома и перебраться на новое место жительства. (Речные круизы по Волге 2008: 11.)

За метафорическим выражением *укрощение реки* скрывается значение преобразования реки Волга в цепь водохранилищ. В условиях данной субсемиосферы советское значение промышленного значения, электрификации переходит в область периферии, а центральное место занимает значение последствий укрощенной реки *под водой оказались сотни деревень и десятки городов с многовековой историей, 600 тыс. человек вынуждены были покинуть свои дома.*

В продолжение переосмысленных значений новой субсемиосферы, можно привести пример более локализованного места.

Печальным символом этого рукотворного потопа стала поднимающаяся из воды колокольня Никольского собора в Клязине, затопленная при заполнении Углического водохранилища. (Речные круизы по Волге 2008: 11.)

Иконический знак вторичной языковой системы *колокольня*, в предыдущих субсемиосферах имевший религиозное значение, вышел за границу данного пространства, а его место занял индексальный знак со значением ущерба промышленного развития.

В субсемиосфере формирования нового строя теплоход как внутренняя граница претерпел некоторые изменения в форме представления.

"Шереметьево" - главные "воздушные ворота" столицы. Сам аэропорт с канала не виден, зато в небе можно заметить взлетающие в небо и приземляющиеся самолёты, услышать характерные звуки моторов. (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 9.)

Мы видим описание внутренней границы другой семиотической системы, то есть *самолета*, переходящего из центра «своего» воздушного пространства в наземную периферию или наоборот. Учитывая, что данный процесс возможен для обзора с теплохода и звуковые субзнаки указывают на некоторую близость «чужого» семиотического пространства, мы можем предположить, что внутренние границы, разделяя описанные пространства, оставляют возможность осмотреть периферию «чужого» пространства из позиции «своего», но при этом, не пересекая друг друга.

Случаем же пересечения с внутренней границей других семиотического пространства путешествия служит следующий пример.

Впереди видны моста через Волгу: железнодорожный и двухъярусный мост на арочных опорах, по нижнему движутся электропоезда, по верхнему – автомашины. (Речные круизы по Волге 2008: 40.)

Иконический знак вторичной языковой системы *мост*, в зависимости от условия семиосферы, может быть расположен и в центральной части, так и в периферии. В данном случае, *мост через Волгу* является знаком периферии семиотического пространства речного круиза. При этом, знаки *электропоезд* и *автомашина*, принадлежащие также к другим семиотическим системам, в момент движения по мосту через Волгу и условно пересекая границу, на время становятся частью семиосферы речного круиза.

Традиционный прием описания круиза, предполагает последовательное повествование по маршруту следования теплохода.

Берега, подмытые рекой, с одной стороны - круты и обрывисты, с другой - пологи, с песчаными пляжами и ярко-зелеными лугами. (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 12.)

Геоимагинально, теплоход разграничивает стороны речного круиза, тем самым давая два плана изображения. Иконические знаки *берега круты и обрывисты*, указывают на характерный тип геоимагинального ландшафта отличного от общего значения знаков *берега с песчаными пляжами и ярко-зелеными лугами*. Тем не менее, вместе знаки как с одной, так и с другой стороны составляют целостное семиотическое значение пейзажа.

Другим случаем является разграничение не только левого и правого, но и находящихся на этих сторонах разных локаций.

Путешествующие по воде сначала видят на левом берегу Толгский Свято-Введенский монастырь (1314). С 1988 г. это действующий женский монастырь. Живописные пейзажи Ярославля, в том числе и Толгского монастыря, были увековечены многими известными русскими художниками. На правом берегу остается промзона: лакокрасочный завод «Свободный труд» и сажевый завод, снабжающий своей продукцией Ярославский шинный завод. (Речные круизы по Волге 2008: 32.)

Иконический знак *монастырь* не только обладает семиотическим культурно-религиозным значением, но и согласно М. Фуко (Foucault 2006) является гетеротопическим местом, о чем более подробно будет рассказано в следующем разделе.

Семиотическим промышленным значением наделены иконические знаки *лакокрасочный и сажевый заводы*. С геоимагинальной точки зрения, мы опять видим, две различных локации культурного ландшафта, общее семиотическое значение которых, будет единым для семиосферы речного круиза.

Соединительная функция подвижной внутренней границы представлена нижеприведенным примером.

Спуск по водной лестнице идет быстро, и через 3 км достигаем шлюза № 3. На вершинах украшающих его башен установлены модели каравелл Христофора Колумба. (Речные круизы по Волге 2008: 70.)

В субсемиосфере формирования нового строя иконический знак вторичной языковой системы *шлюз* продолжает выполнять функцию соединительной геоимагинальной локации в значении промышленного развития Волги с подвижной границей теплоходом. Кроме того, иконические знаки *модели каравелл Христофора Колумба* указывают на символическую связь знака шлюз с эстетической стороной речного круиза, посредством пересечения этой области внутренней границей.

В последнем разделе аналитической части мы рассмотрим теплоход как самостоятельное место внутри речного круиза и определим его гетеротопические свойства.

4.5. Теплоход – гетеротопический элемент речного круиза

В теоретической части мы уже говорили о свойствах и особенностях гетеротопии, согласно классификации М. Фуко (Foucault 2006). Далее в аналитической части мы применим классификацию гетеротопии и проанализируем центральный элемент любого круиза – теплоход, представляющий собой структурированное пространство внутри семиосферы речного круиза и самостоятельное гетеротопическое место.

4.5.1. Пароход – дом отдыха, санаторий

Пароход, выполняя функцию подвижной внутренней границы, кроме того обладает еще и собственным гетеротопичным внутренним пространством.

Закончив речное путешествие, турист возвращается к станку, в шахту, к рабочему столу с новым запасом сил, так необходимых ударникам социалистической стройки. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 381.)

С гетеротопической точки зрения, общество *туристов* «открытое», так как любой может стать туристом и одинаково отправится в речной круиз на борту теплохода. Тем не менее, после речного круиза, за пределами пространства теплохода, данное общество имеет внутренние «социально-закрытые» группы, на что указывают индексальные знаки *станок, шахта, рабочий стол*, что подтверждает гетеротопическое свойство переходности и противопоставления теплохода обычному миру.

Другой характеристикой гетеротопии является многослойность.

На всех пассажирских пароходах скорой, почтовой и пассажирской линии, рейсирующих по рекам Волге и Каме, имеются вполне оборудованные буфеты. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: форзац.)

С семиотической точки зрения иконические знаки *скорая, почтовая и пассажирская линии* указывают на метафизическую типологию пароходов, что в свою очередь, моделирует субсемиотическое поле каждой группы, но в сумме составляет общее семиотическое пространство пароходства. Учитывая различные модели пароходов, один референт вполне мог включать в себя вышеуказанные характеристики и являться многофункциональным и многозначным. При этом мы видим, что иконический знак *буфет* является общим элементом для всех групп судов в целом и для каждого парохода в отдельности. Таким образом, перед нами гетеротопическое свойство многослойности, содержание в одном объекте несовместимые в обычном понимании места.

Следующий пример иллюстрирует сразу две характеристики гетеротопии.

Советская власть уже осуществила организацию плавучих домов отдыха, курсирующих по Волге. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 378.)

Метафорическое сравнение парохода с домом отдыха, подводит нас к пониманию парохода как объекта, обладающего теми же функциями, что и дом отдыха. С позиции гетеротопии дом отдыха обладает характеристикой гетерохронии, то есть места, где время идет медленнее или быстрее в зависимости от человеческого восприятия, соответственно и теплоход приобретает данное свойство. Другой характеристикой является гиперболизированная идеальность мира, ведь как в доме отдыха, так и на теплоходе все создано для комфортного путешествия туристов. Более подробно данное свойство показывает следующий пример.

Туристы совершают речные путешествия на наших прекрасных паро-теплоходах. Хорошее оборудование и максимум удобств делают поездки на них удивительно приятными. Здоровый, чистый речной воздух необычайно благотворно действует на нервы, на кровообращение, на аппетит и сон. (Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР 1933: 378.)

Пароход настолько противопоставлен реальному миру, что имеет даже собственное идеальное метафизическое воплощение *здоровый, чистый речной воздух*.

4.5.2. Теплоход – многофункциональное гетеротопическое место

Переходя к рассмотрению теплохода как самостоятельного семиотического пространства, интересным будет следующий пример.

Бакены окрашены в белый или красный цвет. По ночам на них горят красные или белые огни. Некоторые думают, что красные бакены предупреждают об опасности, а белые наоборот, указывают безопасный путь. Это неверно. И те и другие бакены определяют границу судового хода и одинаково настораживают капитана. (Путеводитель «Волга» 1954: 32.)

Мы видим, что появляются знаки новой семиотической системы *бакены окрашены в белый или красный цвет*, имеющий значение именно для субсемиосферы теплохода. Не смотря на то, что индексальные знаки *бакены окрашены в белый или красный цвет* являются частью вторичной языковой системы и описываются посредством понятного нам вербального метаязыка, они имеют внесистемное значение и без соответствующих знаний, нам будет не понятен их смысл. Например, если знаки других вторичных языковых систем, таких как архитектура, живопись, природа, визуально или посредством метаязыка, дают нам хотя бы общее представление о своем значении, то в данном случае, основываясь только на визуальном образе, слишком велика степень энтропийности значения.

При встрече суда «приветствуют» друг друга продолжительным свистком. Однако в этом свистке не только приветствие, но и вопрос. С судна, идущего по течению, после свистка начинают махать с мостика белым флагом, а ночью сигнализировать белым светом. (Путеводитель «Волга» 1954: 33.)

Музыкальный звук, является субзнаком и вне контекста или семиотической ситуации ничего не значит. В данном примере, субзнак *продолжительный свисток* описывается метаязыком и обладает значением приветствия в семиосфере теплохода. То есть, так как субзнак имеет характеристику внесистемного значения, а значит, частично теряется реализация значений на прагматическом уровне.

Таким образом, в субсемиосфере внутреннего пространства теплохода существует свой язык, выраженный знаками вторичной языковой системы и субзнаками, являющимися нормой для этого семиотического пространства, но в общем значении относящиеся к другой семиотической системе.

Теплоход, речного круиза периода технического развития СССР, также оставаясь гетеротопичным пространством, приобретает новые характеристики.

Вы встретите на Волге плавучие санатории, вроде широко известной «Горьковской коммуны» агитпароходы, где работают театральные труппы и кинопередвижки, плавучие пионерские лагеря, плавучие магазины. (Путеводитель «Волга» 1954: 23.)

Все иконические знаки *плавучие санатории, агитпароходы, плавучие пионерские лагеря, плавучие магазины* образованы по принципу метонимии, то есть являются метафорическим изображением теплоходов с разной семиотической направленностью: оздоровительной, агитационно-журналистской, культурной, с целью детского отдыха и потребительской, соответственно. Читатель может себе представить, что плавучий санаторий это место, где пассажиры находятся какое-то время, ходят на лечебные процедуры и отдыхают, а агитпароходы являются передвижным местом советского информационного бюро, но геоимагинально, все это будет иметь метафизическую форму теплохода.

Кроме того, данный пример является интересной иллюстрацией гетеротопических вариаций мест представленных внутренним пространством теплохода. Мы опять видим характеристику имплицитной многослойности, так как в примере не приводится полный список внутренних пространств теплохода той или иной направленности, но по предыдущим примерам, мы можем догадаться о наличии буфетов, служебных помещений, рубок, трюмов, общих залов и так далее, присутствующих на каждом из представленных видов. Другой гетеротопической чертой данного примера будет свойство переходности, то есть на каждый теплоход из указанных групп, кроме плавучего магазина, не возможно попасть не имея пропуска или не являясь частью социальной группы для которой он предназначен.

4.5.3. Теплоход – «плавучий отель»

Внутреннее пространство теплохода в период культурной модернизации дополнилось новыми функциональными элементами, тем самым расширив семиотическое значение теплохода как знака.

Улучшается качество обслуживания туристов на судах, которые уже давно ходят по маршрутам. Так, на борту дизель-электрохода «Ленин» пассажиры могут заказать железнодорожный или авиационный билет на обратный путь, а на дизель-электроходе

«Советский Союз» к их услугам пункт проката, сувенирный киоск, сауна. (Путешествия на теплоходе 1983: 8.)

Гетеротопические свойства теплохода 80-х годов можно рассмотреть через анализ следующих примеров.

Каюты на них (теплоходах) в основном одно- и двухместные, есть и семенные – на 3 человека. Каждая каюта обставлена элегантной мебелью, оборудована кондиционером, имеет душ и санузел. (Путешествия на теплоходе 1983: 8.)

Противопоставление теплохода реальному миру, как идеального пространства, выражено индексально-иконическими знаками *каждая каюта обставлена элегантной мебелью, оборудована кондиционером, имеет душ и санузел*. С одной стороны для человека определенного уровня или статуса и живущего в соответствующих условиях, идеальность теплохода будет выражаться сервисными услугами. С другой стороны, для человека среднего заработка и живущего в более стандартно-типичных жилищных условиях 80-х годов, наличие элегантной мебели и кондиционера уже создает ощущение идеализации пространства круиза по сравнению с реальным.

Неотъемлемое свойство многослойности любого теплохода проиллюстрировано далее.

Широкие прогулочные палубы, киноконцертные и танцевальные залы, музыкальные салоны, рестораны, бары, солярии – все это есть на любом из названных теплоходов, а на «Антоне Чехове» - еще бассейн и сауна. (Путешествия на теплоходе 1983: 8.)

Единственным отличием данного примера от предыдущих является то, что из него мы можем увидеть вариативное разнообразие внутренних мест на различных теплоходах *на «Антоне Чехове» - еще бассейн и сауна*.

4.5.4. Теплоход – комфортабельный, высококлассный отель

Представление самого внутреннего пространства теплохода не изменилось и период формирования нового строя.

Речной круиз – это великолепная возможность отдохнуть в плавучем отеле с высоким уровнем сервиса и большим выбором развлечений. (Речные круизы по Волге 2008: 6.)

Как мы видим, в целом теплоход не изменил своей основной задачи – служить местом комфортабельного отдыха, но изменилась интенсивность его выражения, из «плавучего отеля» теплоход стал *плавучим комфортабельным отелем с высоким уровнем сервиса*.

Теплоход, имея собственное внутреннее пространство, соответственно, организует его в структуру, которая выражена как метафизическим референтом знака, так и семиотическими значениями внутри пространства теплохода.

По мере подъема палубы называются: нижняя (трюм), главная, прогулочная (или средняя), шлюпочная. На четырехпалубных теплоходах есть еще солнечная палуба с солярием. Чем выше палуба, тем дороже проживание. (Речные круизы по Волге 2008: 21.)

Из данного примера видно, что теплоход обладает внутренней структурой *четырёх-пятиэтажного* объекта. Следует также учитывать, что корабль изначально создавался как военное судно, а значит подчиняется общим правилам социальной иерархии военного объекта, что подразумевает размещение экипажа соответственно статусу. Таким образом, четырёх-пятиэтажная структура теплохода, также влияет на социальную организацию путешествующих внутри теплохода *чем выше палуба, тем дороже проживание* и тем самым организует и субсемиотическое внутреннее пространство.

При описании теплохода, а особенно при сравнении его с отелем, в путеводителях, все больше внимания уделяется представлению характеристик сервисного обслуживания и развлекательной программы, например:

Во время путешествия вас ждет обширная развлекательная программа, составленная так, чтобы каждому было интересно: концерты классической и жанровой музыки в исполнении профессиональных музыкантов, фестивали, праздники, конкурсы, шоу, игры, спектакли, дискотеки, вечера знакомств и другие танцевально-музыкальные мероприятия, работают видеосалон, читальный зал. (Речные круизы по Волге 2008: 21)

Гетеротопические свойства теплохода 2000-х годов могут быть представлены следующими примерами.

На речных туристических теплоходах все туристы, независимо от их социального положения, могут свободно передвигаться по всем палубам, за исключением служебных помещений, кают других пассажиров, помещений, куда имеет доступ лишь команда теплохода (например, рубка, машинное отделение, камбуз). (Путеводитель «Речные круизы» 2002: 25.)

Продолжая тему социальной организации пространства теплохода, данный пример показывает также его гетеротопичность. С одной стороны, туристы на теплоходе обладают свободой перемещения по теплоходу *независимо от их социального положения*, ограниченную только обще моральными нормами поведения и правом каждого человека на некое собственное пространство. С другой стороны, на теплоходе существуют пространства, предназначенные только для определенных групп людей, имеющих разрешение и необходимость нахождения в определенных местах *рубка, машинное отделение, камбуз*. Таким образом, перед нами гетеротопическая характеристика публичности и приватности пространства.

Для досуга на теплоходах предназначаются все палубы, которые оборудованы удобными креслами и столиками, а солнечная еще и шезлонгами, конференц-зал, музыкальный и читальный салоны, бары с широким выбором напитков, сауна, гладильная комната и медицинский пункт, ресторан используется как пункт питания. (Речные круизы по Волге 2008: 21.)

Многослойность гетеротопичного внутреннего пространства теплохода, проиллюстрированная вышеприведенным примером, пополняется новыми знаками и их семиотическими значениями, расширяющих семиотическое поле теплохода. Иконические знаки *конференц-зал, гладильная комната, медицинский пункт и ресторан* формируют еще более многослойное пространство теплохода, которое в свою очередь создает у человека представление теплохода как идеального средства путешествия.

Мы рассмотрели все ключевые аспекты данного исследования, проанализировали основные области семиотического пространства речного круиза и его внутренних элементов, а также выявили их характеристики и функции, что подводит нас к суммированию полученных результатов.

5. Выводы

Основной целью данной дипломной работы было исследование семиотического пространства речного круиза, как части культурной «картины мира». Для решения поставленных вопросов мы, в первую очередь, рассмотрели теоретические и методологические аспекты культурной семиотики и формирования семиотического поля.

Особое внимание мы уделили рассмотрению структуры семиосферы, ее знаков, уровней и границ, а также происходящих внутри нее процессов, что позволило нам смоделировать семиосферу речного круиза в советский и постсоветский периоды. Следовательно, исследование семиотических процессов, то есть семиотический анализ, является для данной работы не только теоретической базой, но и основополагающим методом, который далее был применен для анализа эмпирического материала.

В качестве теоретического концепта мы также рассмотрели геоимагинальное пространство речного круиза, особенность которого, для данного исследования, заключается в описании процесса воспроизведения человеком имагинального путешествия. Дополнительным теоретическим вопросом было описание феномена гетеротопии, что применительно к нашему исследованию, оказалось интересным для рассмотрения внутреннего пространства теплохода.

В текстах путеводителей вербальное выражение, как семиотического знака и геоимагинального ландшафта, так и гетеротопии, представлено метафорой, что в свою очередь, стало методологическим инструментом семиотического анализа, и также было представлено в теоретической части работы.

Следующим этапом нашего исследования было показать взаимодействие семиотического и геоимагинального пространств речного круиза, что и было проанализировано в аналитической части работы. С помощью диахронической оси семиосферы речного круиза были сформированы области субсемиосфер различных периодов, а хронологический метод исследования позволил нам последовательно их рассмотреть.

В результате анализа семиосферы речного круиза, можно сделать следующие выводы. Рассмотрев все субсемиосферы на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях, мы можем сказать, что каждая из них отличается высокой степенью взаимодействия всех уровней. Во-первых, каждая из субсемиосфер, включает в себе ключевую семантическую характеристику, объясняющую ее внутреннее семиотическое

поле, так мы выявили субсемиосферу становления промышленности СССР, последующее техническое развитие, культурную модернизацию и формирование нового строя.

Если в семиотическом пространстве становления промышленности Советского Союза, на синтаксическом уровне преобладало комбинирование, развитие знаков различных по своим функциям и неоднородность значений, то ближе к этапу формирования нового строя можно отметить преобладание иконических знаков, а соответственно снижение вариативности и появления новых значений.

На прагматическом уровне следует выделить аспект асинхронии, который характерен для всех проанализированных субсемиосфер. Постепенно увеличивается степень тождественности передачи сообщения и его восприятия. Если в путеводителе 1933 года сообщение может восприниматься по-разному, в зависимости от контекста современных условий жизни читателя, то в постсоветском путеводителе 2008 года семантика восприятия довольно узка и не представляет возможности иного понимания.

Наиболее интересным для анализа стал процесс трансформации вербального описания круиза в имагинальное представление речного геокультурного ландшафта, посредством пространственной метафоры. В процессе изменения и развития туризма в целом, круизы и путешествия на теплоходах стали ассоциироваться с романтическим приключением, а вымышленное пространство идеализировалось человеком в образ мечты, то есть некую абсолютную идею, что и придало им характеристику эстетического объекта. При этом следует учитывать, что имагинальное восприятие для каждого читающего индивидуально и зависит от его воображения.

Следующим аспектом нашего анализа стала сама река Волга как центральный элемент семиосферы, то есть ядро и как главное геоимагинальное условие речного круиза. Если в субсемиосфере становления промышленности СССР Волга только начала восприниматься как главный промышленный ресурс, то на этапе технического развития река уже активно перепланировалась и реконструировалась в соответствии с задачами развития страны. Хотя Волга не перестала быть ресурсом, эксплуатация реки стала носить менее стремительный характер, на смену промышленного использования реки, пришло сельскохозяйственное применение. Таким образом, Волга из промышленной сверхмагистрали превратилась в живительную, водную дорогу, способствующую восстановлению плодородных земель и полей страны.

Далее в период культурной модернизации, можно отметить еще большую тенденцию изменения восприятия реки Волга. В процессе метафоризации, облик Волги визуализируется, за счет большого использования знаков вторичной языковой системы. Также река постепенно олицетворяется, приобретая характер, различные эмоциональные состояния и в субсемиосфере этапа формирования нового строя Волга предстает перед нами одушевленной женщиной, заботливой матерью.

В следующем разделе аналитической части мы сосредоточились на рассмотрении как внешних, так и внутренних границ семиосферы. Мы проанализировали наиболее показательные примеры границ и создаваемые ими процессы семиотической динамики.

Прежде всего, следует отметить, что за счет диахронической оси семиосферы, существуют диахронические границы, которые представляют собой культурно-исторические события и дают толчок для динамического процесса перемещения знаков и их значений. Среди наиболее значимых диахронических границ, можно выделить «семиотические взрывы», характеризующие формирование СССР и его распад. В субсемиосфере становления промышленности Советского Союза «семиотический взрыв», выраженный революцией 1917 года, повлиял не только на динамику пограничного пространства, но и посредством цепной реакции, ускорил активность смены значение отдельных локаций, так в справочнике-путеводителе 1933 года характерным стало изменение названия городов, а соответственно и их значений в семиотическом пространстве.

«Семиотический взрыв» распада Советского Союза, также повлек за собой цепочку динамических процессов, но в результате все субпространство СССР вышло за границу семиосферы и стало «чужим», а еще не до конца сформировавшаяся субсемиосфера постсоветского периода заняла позицию «своего» пространства. Если в периоды становления и развития промышленности семиотические границы имели четкие характеристики, разделяя пролетариат и буржуазию, промышленность и сельское хозяйство, то в 90-е годы в условиях семиотического хаоса и ассиметрии, стали появляться новые границы, затем исчезать и снова появляться. В субсемиосфере формирования нового строя закрепился аспект ассиметрии – несовпадение знака и референта, советские референты остались, но изменились обозначающие их знаки и наоборот изменившиеся референты обусловили появление новых знаков. В общей семиосфере речного круиза, за счет границ, мы видим подтверждение смены центральных и периферийных элементов.

Хотелось бы подчеркнуть свойство реки Волга, как самостоятельной границы, которая формирует «свое» и «чужое», тем самым определяя ракурс рассмотрения семиотического поля. Таким образом, семиосфера культурного пространства круиза позволяет читателю воспринимать привычные культурные ландшафты с позиции границы, в новом значении, ранее не представлявшемся имагинальному взору.

Суммируя результаты анализа теплохода, как внутреннего элемента семиотического поля, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, в процессе анализа, мы продемонстрировали соединительную и разделительную функции теплохода, как внутренней подвижной границы. Отличительной чертой данной границы является возможность геоимагинального перемещения в семиотическом времени и пространстве. Таким образом, знак теплохода можно сравнить с семиотической машиной времени в пространстве речного круиза, а путеводитель как средство осуществления мысленно воображаемого речного путешествия по историческому и культурному прошлому.

Во-вторых, теплоход подразумевает наличие собственного, внутреннего пространства, которое обладает свойствами гетеротопии. Посредством семиотического анализа, мы доказали, что основные гетеротопические характеристики теплохода это: многослойность, бинарность публичного и частного мест, гетерохрония, гипербализированность и восприятие теплохода, как идеального мира.

Подводя итог всему вышесказанному, можно проследить тенденцию изменения восприятия речного круиза. Учитывая меняющийся характер семантического значения каждой субсемиосферы в отдельности, меняется и прагматика, а следовательно общая конвенция значения всей семиосферы. Если в советское время главной задачей речного круиза было образование человека, то постсоветской главной задачей является обеспечение комфортного путешествия.

Речной круиз постепенно трансформируется из средства познания культуры в эстетический объект этой культуры. Если в советское время речной круиз формировал интересы общества, то сейчас общество формирует задачи круиза.

Период после распада Советского Союза стал временем культурной и социальной дезориентацией. Изменилась социальная доступность речного круиза, в Советском Союзе в речное путешествие могли отправиться представители самой большой социальной группы - пролетариат, в постсоветском же периоде круиз стал отдыхом, который могли себе позволить далеко не все социальные слои общества.

Посредством представления речного круиза, как семиотического пространства, становится понятен дисбаланс между социумом, который в течение почти 70 лет развивался в условиях культуры социализма, и культурой нового постсоветского строя, в котором он оказался. Учитывая, смену исторических событий и стремительность «семиотического взрыва», социалистическое общество не имело возможности адаптироваться к новым культурным условиям, что привело к «семиотическому хаосу». Таким образом, в рамках культурно-исторического контекста, семиотический анализ наглядно демонстрирует взаимодействие семиосферы речного круиза и «картины мира», что в следствие, не только дает возможность представить речной круиз частью этой «картины», но и показывает процесс изменения его значимости внутри культурной «картины мира».

Данная тема оставляет еще много возможностей для дальнейших изучений. При более широком рассмотрении, другие виды туристических изданий, плакаты, брошюры и рекламные объявления, так же могут быть включены в семиотический анализ речного круиза, что позволит расширить рамки как семиосферы речного круиза, так и пополнить культурологические исследования.

6. Список литературы

Первичные источники:

Буланов С., Петрова И. (ред.) 2008. *Речные круизы по Волге*. М.: АЯКС-ПРЕСС

Каганов, А. Я. (ред.) 1983. *Путешествия по Волге. Плановые маршруты по рекам СССР*. М.: Профиздат

Моралевич О. Д. (ред.) 1954. *Путеводитель «Волга»*. Москва.

Фомин В. В. (ред.) 1933. *Справочник-путеводитель по рекам, озерам и каналам СССР*. Москва.

Попов В. А. (ред.) 1928. *Всемирный следопыт*. Москва: Земля и Фабрика, № 3 с. 238.

Вторичные источники:

Ely, Christopher 2003. The origins of Russian scenery: Volga river tourism and Russian Landscape Aesthetics, *Slavic Review*. Vol. 62. p. 1-18.

Fluck, Winfried 2005. Imaginary Space; Or Space as Aesthetic Object. *Space in America. Theory History Culture*. New York , USA.

Goursuch, Anne E., Koenker, Diane P. 2006. *Turizm. The Russian and east European tourist under capitalism and socialism*. Cornell university press: New York.

Lakoff, George, Johnson, Mark. 2003. *Metaphors We Live By*. Second edition. University of Chicago Press: Chicago.

Tuan, Yi-Fu 2003. The perspective of Experience. *Space and Place*. Third printing. University of Minnesota Press: Minneapolis.

Арутюнова, Н. Д., Левонтина, И. Б. 2000. *Логический анализ языка. Языки пространств*. Москва: Языки русской культуры.

Бразговская, Е. Е. 2008. *Языки и коды. Введение в семиотику культуры*. Гос. пед. ун-т., Пермь.

Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А. 2012. *Основы семиотики*. Москва: Наука.

Даль, В. И. 1989. *Пословицы русского народа*. Москва: Художественная литература.

Дорошенко, В.А. (ред.) 1989. *Волга. Боль и беда России*. Москва: Просвещение.

Ермакова, О. П. 2000. Пространственные метафоры в русском языке. *Логический анализ языка: Языки пространств*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова и И. Б. Левонтина. Москва: Языки русской культуры, с. 289 – 298.

- Замятин, Д. Н. 2003. *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Замятин, Д. Н. 2000. Феноменология географических образов. *Новое литературное обозрение*, № 6 (46), с. 4 – 15.
- Замятин, Д. Н. 2003. Геокультура и процессы междивизиационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов. *Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*. Москва.
- Крупянская, В. Ю. (ред.) 1940. *Певец Волги Д. Н. Садовников*. Избр. произв. и записи. Куйбышев.
- Кубрякова, Е. С. 1997. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, № 3, с. 22 – 31.
- Лотман, Ю. М. 1992. О семиосфере. *Статьи по семиотике и топологии культуры*. Том.1. Таллин: Александра, с. 129 – 132.
- Махлина, С. 2003. *Семиотика культуры и искусства*. Словарь-справочник в двух книгах Санкт-Петербург: Композитор.
- Махлина, С. 2009. *Семиотика культуры повседневности*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Мечковская, Н. Б. 2007. *Семиотика Язык. Природа. Культура*. Курс лекций, учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. Изд. 2-е, испр. Москва: Издательский центр «Академия».
- Митин, И. И. 2004. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. *Комплексные географические характеристики*. Смоленск: Ойкумена.
- Моррис, Ч. 2001. Значение и означивание. *Семиотика: Антология*. Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Моррис, Ч. 2001. Основания теории знаков. *Семиотика: Антология*. Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Москалинский, А. А. 2010. Река как основной географический образ в художественной литературе. *Псковский регионологический журнал*, № 10. с. 141 – 146.
- Пирс, Ч. С. 1999. *Логика как семиотика: теория знаков. Метафизические исследования*. Санкт-Петербург: Язык.
- Соссюр, Ф. 1977. *Труды по языкознанию. Курс общей лингвистики*. Отв. ред. А. А. Холодович. Москва: Прогресс.
- Топоров, В. Н. 1983. *Пространство и текст*. Отв. ред. Т. В. Цивьян. Ин - т славяноведения и балканистики. Москва: Наука.

- Трубина, Е. 2011. *Опыты осмысления пространства: Город в теории*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Успенский, Б. А. 1994. Семиотика культуры. *Избранные труды. Том 1. Семиотика истории*. Москва: Гнозис.
- Филатова, Н. Б. 2012. Жанровое пространство туристического дискурса. *Филологические науки*, с. 76 – 82.
- Фуко, М. 2006. Другие пространства. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. Часть 3. Пер. с фр. Б. М. Скуратова. Под общ. ред. В. П. Большакова. Москва: Праксис.
- Фуко, М. 1994. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Перевод. В. П. Визгин и Н. С. Автономова. Санкт-Петербург: А-сад.
- Эко, У. 1998. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Перевод А. Г. Погоняйло и В. Г. Резник. Ред. М. Г. Ермакова. Санкт-Петербург: Петрополис.
- Якобсон, Р. Я. 1987. *Работы по поэтике*. Пер., сост., общ. ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Прогресс.

Материалы, опубликованные в Интернете:

- Петрова, И. Ф., Коронкевич, Н. И., Буланов С. А. (ред.) 2002. *Речные круизы*. Москва: Симон-Пресс <http://www.locman.net/page_53.htm>. [Просмотрен 17.01.2012]
- Разумовская, Л. 2007. Уроки великой реки. *Литературно-краеведческий журнал «Мономах»*, №4(51) <<http://monomax.sisadminov.net/main/view/article/631#>>. [Просмотрен 23.04.2012]

Вспомогательные материалы:

Реформа русской орфографии 1918 года

<<http://ru.wikipedia.org>> . [Просмотрен 22.11.2013]

Советские туристические плакаты

<<http://kayrosblog.ru/sovetskie-plakaty-pro-turizm>>. [Просмотрен 23.01.2014]

Скульптуры города Москва

<http://www.alladolls.ru/gallery2/v/elses/skulptur/moskva/51959698_0_b270_54792eec_XL.jpg.htm>. [Просмотрен 23.01.2014]

Творчество советского скульптора Юлии Кун <<http://art.sovfarfor.com/raznoe/o-tvorchestve-yulii-albertovny-kun>>. [Просмотрен 15.05.2014]

7. Приложения

7.1. Приложение 1

Цена отдельного номера 1 р. 30 к.

4-257
3434/x-30.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ РЕЙСЫ
удобных и уютных хорошо обставленных пароходов по линиям:
НИЖНИЙ-АСТРАХАНЬ
Рыбинск—Пермь и Кинешма—Пермь, Рыбинск—Нижний,
Нижний—Рязань, Москва—Рязань.

Для предоставления более быстрого и удобного проезда для миллионов отдыхающих в курортные и оздоровительные районы, а также для обслуживания ПАСАЖИРСКИХ ЛИНИЙ НИЖНИЙ—АСТРАХАНЬ, здесь раз в неделю, с обязательным канатою, выпускаются специальные и льготные рейсы. С ПЕРМЬЮ ПРОТЯЖАЮТ СКОРОЙ ЛИНИЕЙ ТАРИФОВ 30% ОТ ПРОВОЗА.

Вся оборудование пароходов, включая и пассажирский салон, оборудовано в удобном, уютном и чистом виде, а также имеет, специально оборудованные кухни и столовые, а также ванну, туалет и душ, а также ванну, туалет и душ, а также ванну, туалет и душ.

Стоимость проезда в главных направлениях:

	С В О Р А К			К И Н Е Ш М А К			Т О В А Р О - П А С С А Ж И Р С К А Я		
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.
Н. Нижний—Астрахань	30 р. 50 к.	20 р. 50 к.	14 р. 50 к.	24 р. —	16 р. 40 к.	11 р. 20 к.	20 р. 50 к.	14 р. 50 к.	10 р. 50 к.
— Самарская	32 р. —	22 р. 40 к.	15 р. 40 к.	26 р. 40 к.	18 р. 30 к.	12 р. 10 к.	22 р. 50 к.	16 р. 50 к.	12 р. 50 к.
— Саратов	34 р. 50 к.	24 р. 50 к.	17 р. 50 к.	28 р. 50 к.	20 р. 40 к.	13 р. 20 к.	24 р. 50 к.	18 р. 50 к.	14 р. 50 к.
— Симбирск	36 р. 50 к.	26 р. 50 к.	19 р. 50 к.	30 р. 50 к.	22 р. 40 к.	14 р. 20 к.	26 р. 50 к.	20 р. 50 к.	16 р. 50 к.
Москва—Н. Нижний	38 р. 50 к.	28 р. 50 к.	21 р. 50 к.	32 р. 50 к.	24 р. 40 к.	15 r. 20 к.	28 р. 50 к.	22 р. 50 к.	18 р. 50 к.
Рыбинск—Н. Нижний	40 р. —	30 р. —	23 р. —	34 р. —	26 р. —	16 р. —	30 р. —	24 р. —	20 р. —
Рыбинск—Пермь	42 р. 50 к.	32 р. 50 к.	25 р. 50 к.	36 р. 50 к.	28 р. 40 к.	17 r. 20 к.	32 р. 50 к.	26 р. 50 к.	22 р. 50 к.
Н. Нижний—Пермь	44 р. 50 к.	34 р. 50 к.	27 р. 50 к.	38 р. 50 к.	30 р. 40 к.	18 r. 20 к.	34 р. 50 к.	28 р. 50 к.	24 р. 50 к.

Для обслуживания курортных районов разработаны маршруты:

Москва—Вязьма—Павловск—Москва 2 суток
 Москва—Павловск—Вязьма—Москва 2 суток
 Нижний—Рыбинск—Н. Нижний 2 суток
 Рыбинск—Пермь—Н. Нижний 2 суток
 Нижний—Астрахань, проездная билет, проездной билет 3 суток, проездной билет 5 суток, проездной билет 7 суток, проездной билет 10 суток, проездной билет 15 суток, проездной билет 20 суток, проездной билет 25 суток, проездной билет 30 суток.

Список и стоимость билетов на все участки и маршруты выложены в отдельном буклете. Проездные билеты выдают в билетных кассах в МОСКВЕ — Кассы: Павловск, Гусь-Жуковский, Мытищи, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

Рис. 1 Одна из первых туристических листовок речного круиза Советского Союза <<http://kayrosblog.ru/sovetskie-plakaty-pro-turizm>>. [Просмотрен 23.05.2014]

7.2. Приложение 2

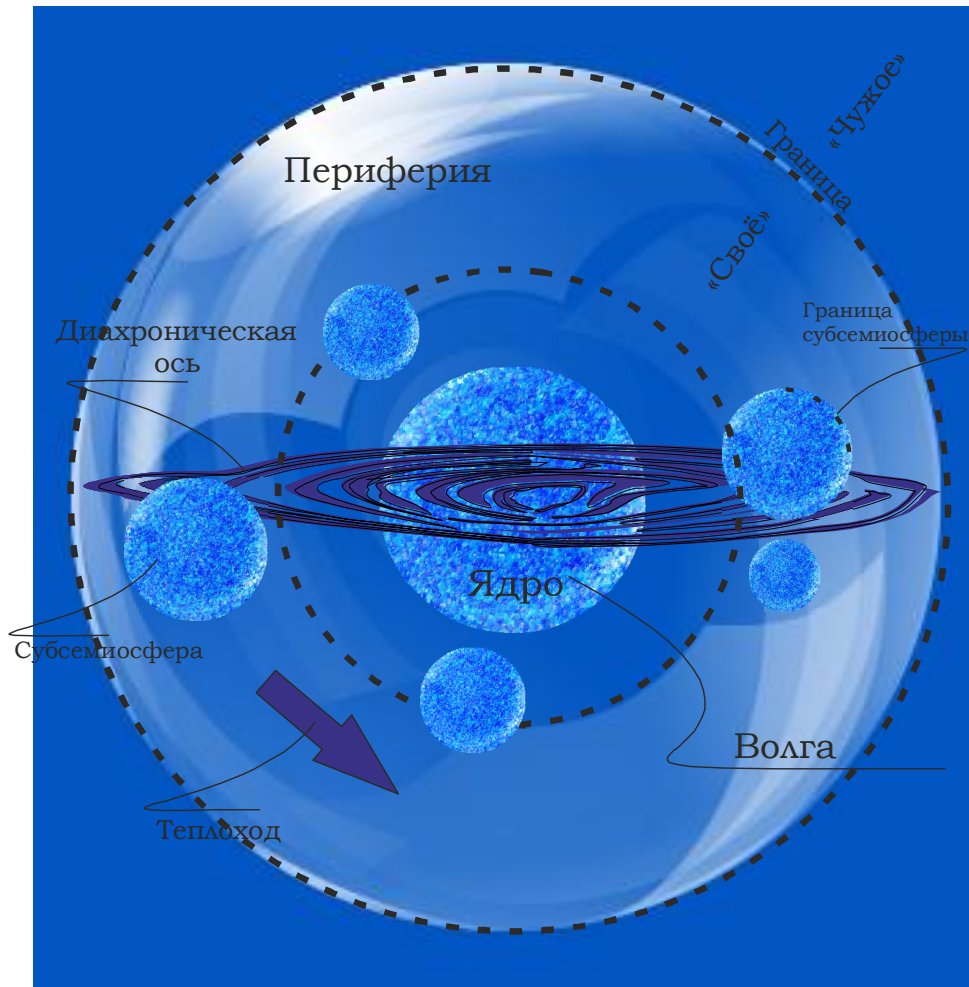

Рис. 2 Модель семиосферы речного круиза

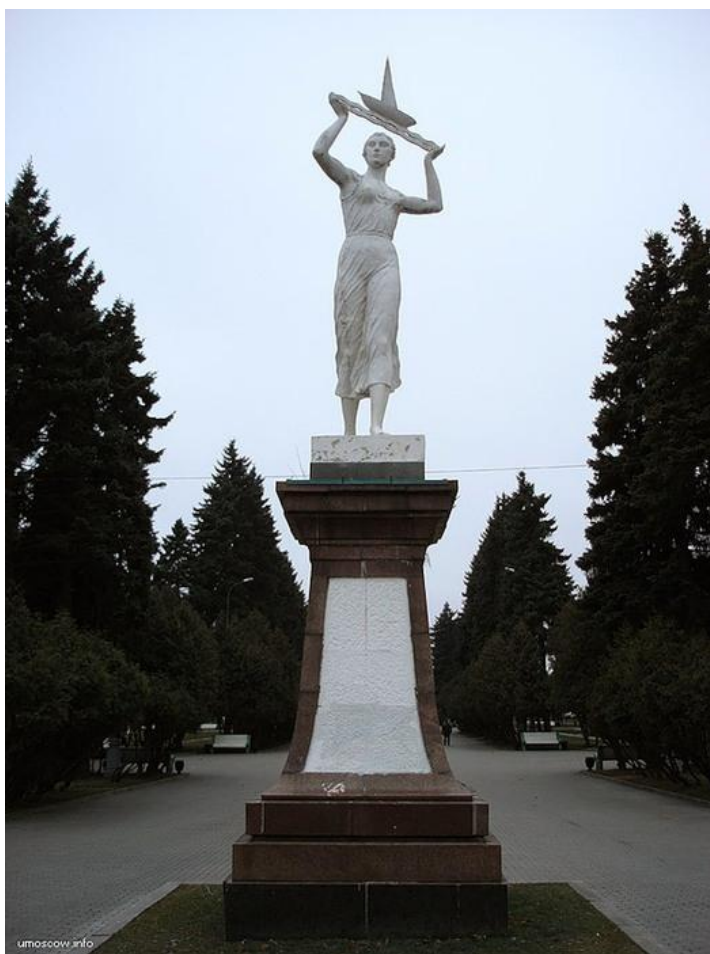
7.3. Приложение 3

Рис. 3 Скульптура «Водный Путь» у Северного речного вокзала г. Москва

<http://www.alladolls.ru/gallery2/v/elses/skulptur/moskva/51959698_0_b270_54792eec_XL.jpg.htm>. [Просмотрен 23.05.2014]